

откроет собой ряд удачных боевых действий и побед на всех полях сражений, где русские войска под Верховным водительством Вашим непоколебимо отстаивают славу и счастье Родины. Председатель Гос. Думы Михаил Родзянко".

Поднесение Государю Императору фельдмаршальскаго жезла британской армии.

16-го февраля в Царскую Ставку прибыли английской службы генерал сэр Артур Паджеть и капитан лорд Пемброк, командированные по повелению короля Великобритании Георга V для поднесения Его Величеству Государю Императору жезла фельдмаршала английской армии.

В 7 часов вечера генерал Паджеть с лордом Пемброком, в сопровождении назначенного состоять при нем поручика барона Рамзая, прибыли в помещение, занимаемое Его Императорским Величеством. Здесь к этому времени собрались министр Императорского Двора, начальник штаба Верховного Главнокомандующаго генерал Алексеев, с генерал-квартирмейстером генералом Пустовойтенко, флаг-капитан Его Императорского Величества генерал-адъютант Николь, дворцовый комендант Свиги генерал-майор Воейков и лица Государевой Свиты, английской службы генерал Виллиамс и адмирал Финмор с состоящими при них английскими офицерами.

Когда Государь Император изволил выйти к собравшимся, генерал Паджеть обратился к Его Величеству со следующей речью на английском языке:

"По повелению его величества короля, я имею честь поднести Вашему Императорскому Величеству жезл фельдмаршала британской армии. Мой августейший повелитель вверит, что Ваше Императорское Величество примет этот жезл как знак его искренней дружбы и любви и как дань уважения героическим подвигам русской армии."

Хотя разстояние, разделяющее их друг от друга, не дало до сих пор возможности русской и английской армиям сражаться плечо к плечу против общего врага, они все же объединены твердой решимостью победить этого врага и не заключать мира, пока победа не будет обеспечена. Они борются ради общего дела и воодушевлены тем же духом."

Британская армия, которая разделяет восхищение его величества короля ее русскими товарищами, приветствует Ваше Императорское Величество как британскаго фельдмаршала, и король твердо вверит, что русская и британская армии, вместе с их доблестными союзниками, не прервут обеспечить своим странам прочный и победоносный мир."

Затем генерал Паджеть поднес Государю Императору жезл фельдмаршала английской армии.

Государь Император, приняв жезл, изволил и у генерала Паджета передать королю Георгу благодарность Его Величества за оказанную высокую честь поднесением жезла и изволил выразить уверенность, что в недалеком будущем английская и русская войска будут сражаться плечо к плечу против общего врага.

Генерал сэр Паджеть и капитан лорд Пемброк были приглашены к Высочайшему столу.

Во время завтрака Государь Император провозгласил следующий текст:

"Я с большим удовольствием пью за здоровье его величества короля Георга. Моего дорогого двоюроднаго брата, друга и союзника."

Победы у Германіи быть не могут. Одна из крупных шведских газет «Dagens Nyheter» в статье, посвященной вопросу о возможных немецких операциях в предстоящей весенней кампании, говорит, что наступление германцев восточнее всего будет предпринято против России. По италийской газете, надежды немцев отделить Россию от союзников теперь менее осуществимы, чем когда-либо. Минувший год доказал, что не дипломатическими попытками и немецким продвижением вперед этого нельзя добиться от России. Россия много сильнее, чем можно думать, партия за мир незначительна, чем где бы то ни было, а выдержка нервов изумительна. Россия может быть побуждена только после того, если она будет разбита по всем правилам военного искусства. Но этой возможности не вверят сами немцы. Значит оказалось достаточно для русского военного министерства, чтобы совершенно реорганизовать армию. Призваны миллионы, вопрос о затруднениях по части военного снабжения исчез. Россия в данный момент сильнее и лучше подготовлена к войне, чем когда бы то ни было. Предположим даже, — пишет газета, — самое неблагоприятное: — немцы слова продвинулись вперед, но Россия все-таки не побуждена, а немцы еще в более трагическом положении перед нападкой, где же уязвимое место России. Помимо всего, у Германіи это не единственный фронт.

Может-быть, — спрашивает газета, — Германия удовольствуется приобретением и перейдет к обороне, но этот план, ввиду внутреннего положения страны, еще фантастичнее, чем все другие.

Победы у Германіи быть не могут, — заканчивает орган нейтральной печати.

«Эскадра воскресших мертвецов». Так можно перевести характерное итальянское название — «La squadaccia della morte». Squadaccia — это презрительное уменьшительное от слова «Squadra» (эскадра) — оригинальная итальянская флотилия, которая вступила в борьбу с австрийскими судами. Интересный свідѣніе о ней сообщает в «Южном Краѣ» М. Перухин.

На протяжении многих лет, на военных верфях и в арсеналах Италии постоянно накоплялось «железо-похоть», т.е. старые, отслужившие уже свой законный срок боевые суда с расхлябанными корпусами, с истершими от работы механизмами, суда безнадежно устарѣвшіе типов и по конструкции и по вооружению. Суда эти мирно дожидались обычного безславнаго конца — быть проданными с публичных торгов в качестве старого и ржавого железа, отправиться на буксирь на какой-нибудь частный завод и там быть разобранными по литу, по болту.

И вот, когда началась война, особенно же когда от ударов невидимаго, коварно подражающаго подводнаго врага погибли крейсера «Гарибальди» и «Амальфи», свершилось чудо: «морские мертвецы» оживли, встали из своих могил. На сданных за ненадобностью и негодностью в архивы устарѣвших судов были подняты флаги, моментально были сформированы комплекты команд, благо Италия богата сѣлыми и опытными моряками, и перед глазами изумленных австрийцев появились цѣлыя эскадры, проявившие поразительную деятельность в деле защиты родных берегов, и отчаянную смѣлость, и, что всего важнѣе, боеспособность. Дыры были заштопаны, машины отремонтированы, днища, обросшія раковинами и ржавчиною, очищены, вооружение подновлено, и эти «скелеты прошлого» отчаянно понесли трудную службу, замѣняя собою болѣе современные суда, которыми Италия приходится дорожить, которых надо во что бы то ни стало беречь, пока не придет момент решительнаго открытаго боя за обладаніе Адриатикой.

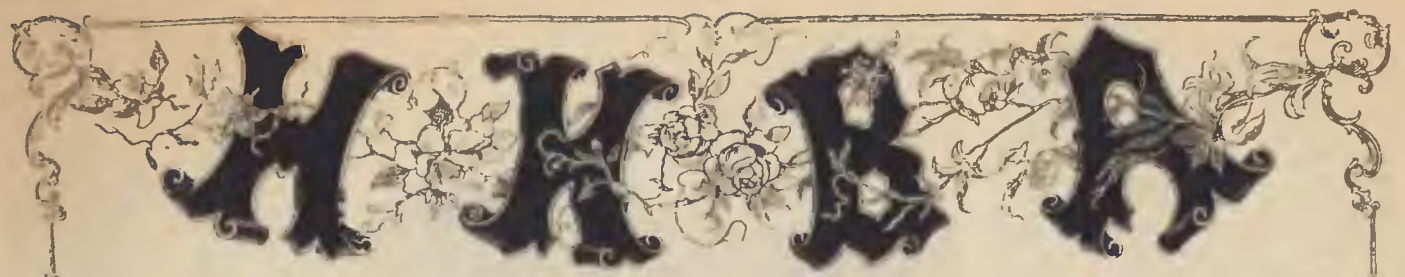
Та работа, которую совершает эта «эскадра морских мертвецов» Италия, — она не бросается в глаза. Она видна только по своим чудесным результатам, которыми в полном правѣ гордится Италия.

По эти чудесные результаты дорого достаются «живой силѣ», т.е. морским командам воскресших «трупов». В старые годы строителя боевых судов меньше всего заботились об удобствах для команды. Все приносилось в жертву стремлению дать болѣе сильное вооружение или добиться лишняго уала скорости хода. Каждый свободный уголок на этих старых судах занят — или пушкой, или минным аппаратом, или угольным бункером. Команды, плавающія теперь в неистощимой трудной вообще обстановкѣ военного времени на этих «воскресших мертвецах», не имеют и десятой доли тѣх удобств, которыя предоставлены в распоряженіе их же братья на современных боевых судах. А работу приходится нести по тяжести — двойную или тройную.

«Поэту войны», Габриэлю д'Аннунцио, пришлось поплавать и на этих «архивных» судах, на этих музейных древностях. И вот как он отзывался о героических командах этих судов:

«Это что-то фантастическое, это что-то непонятное. Смотришь, и принимаешь, — да где же предѣлы человеческим силам, если эти силы упрямляются сознательно, полною энтузіазма волею? Для команд этих судов единственными мѣстами для сна и отдыха служат помѣщенія, находящіеся в непосредственном соседствѣ с машинным отдѣленіем. Больше дѣлаться некуда, когда тебя сломит усталость. А там, в этом кубрикѣ, там буквально изжариться можно. Но эти люди, оторванные от плуа, от лопаты, от рыбацкаго весла, — они ухитряются отдыхать и спать в этих печах огненных, и потомъ снова становятся на работу какъ ни въ чемъ не бывало, свѣжѣе, бодрѣе, веселѣе. А работа?»

Самым страшным врагомъ современнаго боеваго судна является подводная лодка и подводная мина. Этого врага надо выслѣдить. И вотъ десятки ваттенныхъ, стоя на палубѣ, вся на свастяхъ, по четыре часа подъ радѣ, должны не спускать глазъ съ волнующейся поверхности моря, выслѣживая перископъ подводной лодки, выслѣживая причущуюся подъ поверхностью моря мину. Требуется неистощимое напряженіе зрѣнія и вниманія. И не нѣсколько минутъ, не четверть часа, не часъ, а четыре часа подъ радѣ! А на счету каждый человѣкъ, и дежурныхъ замѣнять некому. И вотъ эти люди молчаливо дѣлаютъ свое дѣло. Обшариваютъ море своими зорами. Прощупываютъ волны. И, бываеетъ, — едва дежурный отбудетъ свой срокъ и получить разрѣшеніе уйти со своего поста, онъ тутъ же сваливается, какъ куль, — засыпаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ. Долгъ исполненъ, поддержавшее чествовка на опасномъ посту напряженіе воли, напряженіе нервовъ — прошло, — и разомъ тѣло превращается въ инертную массу. Но долго отдыхать нельзя. И, смотришь, черезъ нѣсколько часовъ тотъ же Лундъ или Джованни снова дѣлается за снасти, в, качаясь, впивается взоромъ въ горизонтъ, обшариваетъ морской просторъ, ищетъ малѣйшихъ признаковъ близости врага».

№ 9. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годѣ), съ прилож. 40 кн. «Сборника», содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и Д. КОСТАРА, 12 кн. Литерат. и науч.-науч. прил. 2 повня спеціальныя карты театръ военныхъ дѣйствій. 12 №№ «Новѣйшихъ модъ» и 12 лист. черт. и выкр. Выдаѣтъ 27 февраля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ — 10 р., на 1/2 года — 5 р., на 1/4 года — 2 р. 50 к. Цѣна этого № — 15 к. съ перес. 21 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Медальонъ.

Разскажъ Марка Кривичаго. (Продолженіе).

V. Изъ письма, присланнаго изъ полка отъ батальоннаго командира Жени и ее мать знали, что Андриуша былъ убитъ подъ деревней З. во время атаки, а Костя во время того же самаго боя пропалъ безъ вѣсти. Андриуша ударило осколкомъ снаряда въ голову, и тѣло его было найдено съ большимъ трудомъ два дня спустя послѣ боя, при чемъ его узнали по медальону на шеѣ съ его портретомъ. Его похоронили въ общей братской могилѣ съ другими офицерами въ верхнемъ ряду, вторымъ справа, если смотрѣть отъ ногъ. Медальонъ оставили послѣ нѣкотораго колебанія у него на шеѣ, и за эту трогательную заботу Жени была теперь въ особенности благодарна Андриушинымъ товарищамъ по полку.

На послѣдней станціи надо было выгрузить изъ багажнаго вагона металлическій гробъ и нанять лошадей. Теперь уже черныи футляръ, въ которомъ онъ скрывался, больше не пугалъ Жени. Напротивъ, ее радовало, что отъ дорогаго существа исчезаетъ все не сразу, и она не сомнѣвалась, что найдетъ драгоценное тѣло Андриуши и увезетъ его въ ихъ имѣніе, гдѣ похоро-

ронитъ возлѣ церкви на маленькомъ кладбищѣ подъ душистыми каждую весну березками. Какъ сладостно будетъ приходиться тѣмъ по утрамъ къ нему на могилу и приносить ему полевыхъ цвѣтѣвъ. Жени отказала ей въ радости физической любви, но она сохранила для нея лучшія и высшія радости любви духовной.

Было много хлопотъ, когда уставляли гробъ на фурманку. Другихъ лошадей не нашли, и хохолъ, который уговорился ихъ довести до З., вѣроятно, удивился тому, какъ обѣ богатые и красиво одѣтыя барыни, прѣхавшія издалека за такою ненужною вещью, какъ мервое тѣло, храбро мѣшались маленькими ножками непротолканую грязь, оставая въ ней по временамъ калоши. Иногда то та, то другая изъ нихъ подсаживались сзади на фурманку съ косыми бортами безъ передка и задка, длинную, неуклюжую и дрожащую, и ѣхали позади громаднаго чернаго футляра съ гробомъ. Траурныя вуали ихъ намочили, лица обвѣтривались, подолы платьевъ были въ налипшихъ комкахъ грязи.

Въ З. онѣ прѣхали къ вечеру и, несмотря на усталость, тотчасъ же отирались къ коменданту. Онѣ долго бродили по темнымъ улицами мѣстечка, перейдя небольшую рѣчку по тряс-

Батарея

Картина И. А. Владимірова.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.
СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА
ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ
(Россия, Великобританія, Италия, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).
Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.
Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ
всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщеніи на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія. Въ 6 красокъ. Размѣръ 82х134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.
Подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальскаго.
Цѣна съ пересылкой два рубля.

ицему временному мосту, сдланному из нескольких косяков, на них наткнулся наш патруль, который отвел их к коменданту. И солдаты, из которых один осыпал их при встрече лица фонарем, и комендант в уютно обставленной австрийской квартире, сейчас жарко натопленной, сначала осмотрели пропуска, а потом отнесли к ним с иждивою, чисто-родственной заботливостью.

— Неужели вы хотите ехать сейчас же? — говорил комендант, высокий офицер с пылыми погонами и срыми улыбающимися глазами.

Он улыбался тому, что там, на далекой родине, есть такие женщины, которые время от времени приезжают сюда в холодный втер и сикоть за тлами дорожных покойников. И ему, очевидно, понравился Женить, что он не могут отложить своей поездки на минуту ни на минуту.

— Что с вами подблещь? — сказал он снисходительно и приказать заложить для барыни экипаж.

Еще больше тронуло Женю, когда в числе своих провожатых она и ее мать увидели самого коменданта и еще какого-то офицера, фамилию которого, когда он им представлялся, он не успел разобрать. Солдатик, знавший, где «офицерская могила», угнзился па передк фурманки возл грова, рядом с хохлом, и они поехали, освещаая себя несколькими фонарями темную дорогу в глубоких рывинах.

Надо было пробхать австрийскую могилу за помещичьим фольварком и у лса свернуть с дороги в поле. Поднялись шагом. Комендант, который ехал рядом с коляской, рассказывал о бою под Городком, где наши девять дивизий под начальством генерала Радко-Дмитриева удержали натиск двадцати одной австрийской дивизии, которая была брошена на освобождение Львова. И из его рассказа Женя видела, что на войну все происходит обычно не так, как это представляешь себе по книгам и газетам. Люди ходят совершенно так же, как и раньше, от деревни к деревни, но только это люди вооруженные, и оттого их встречи кончаются иногда друг для друга плохо. Когда горит рядом деревня, это совсем не страшно, а даже хорошо, потому что тогда бывает светло и видно, куда надо бежать и куда стрелять артиллерия. А когда сражаешься, перед тобою только маленький кусочек поля или какой-нибудь ручей, который надо перебывать. Вот и все. А что будет дальше, это неизвестно. Может-быть, смерть, но это совершенно не важно. Важно только, чтобы «подлецы австрийцы» не удержали в своих руках того или другого бугра. И бу-

Кавказский фронт.

источника.

горь этот вовсе не простой бугор, потому что для каждого военного, который должен умереть, война непременно имеет смысл. Нет, я умереть просто так, без смысла.

Заговорил, например, солдатик, который ехал на передк фурманки, и было видно из его слов, что для него война тоже имеет смысл. Комендант его спросил:

— Семенов, твой брат умер от ран?

— Так точно, — ответил он: — может, и мы померем. Нешто у себя в деревне, так-то лежа на печке, лучше умереть совсем зря? Умирать, ваше высокоблагородие, все равно, как говорится, от Господа Бога положено один раз, как ни вертись.

Здесь все люди были совсем другие, чем в тылу. Смерть ходила рядом с ними, и оттого они были ясные, приветливые и чинные. С ними было хорошо ехать в эту темную ночь по темной дороге, когда каждая косточка ботла от усталости.

Сбоку, в блеск фонарей, свернула белая каменная стена фольварка.

Тут австрийская могила, — сказал солдатик Семенов.

В самом низу стны тянулась узкая и широкая длинная песчаная насыпь. Несколько полинявших красных флажков жутко трепались по ветру. Было мучительно подумать о тех, кто, зарытые прямо в одежде, без гробов, лежат под этой низенькою насыпью. Может-быть, это оттого, что могила была чужая, враждебная. Но как можно чувствовать вражду к умершему врагу? И было вдвойне страшно от этой могилы, где лежали покойники, о которых не знаешь теперь, нужно ли их жалеть или попрежнему чуждаться.

Могилы мелькнула и скрылась. Полинялые влажные флажки, сиротливо трепавшиеся на ней, еще один момент беспокоили ее в воспоминании. Потом она подумала:

«Но ведь у них тоже есть свои близкие, которые сумеют их оплакать».

Правда, нет возможности приехать сюда, чтобы повидать на их могилы, или взять с собою их останки. О, насколько она, Женя, была сейчас счастлива их! Но было стыдно перед самой собою гордиться этим печальным счастьем.

И Женя начала думать вновь с своей любви к Андрию. Теперь, когда она думала о своей любви, она не испытывала больше противоречий. Для того, кто любить, можно все.

Долго искал во мраке дорогу к лсу. Семенов ушел с фонарем в поле и не возвращался. Дождь перестал накрапывать, но было холодно, и у Женя заоченьли руки и ноги. Наконец Семенов молча вернулся, и фурманка исподтишка двинулась дальше.

«Значит, опь нашли. Мини!» —

Кавказский фронт. Прибытие раненых на пункт.

Кавказский фронт. Перевозка раненых кратчайшим путем.

подумала Женя, испытывая радостное колебание слез в груди. Ей хотелось бы поцеловать руку Семенова за то, что он такой чудный. Никому не хотелось больше разговаривать. Понимали, что настала минута свидания. Молчали, чтобы не оскорбить ее чувств. Но ей думалось:

«Мини, как вы не понимаете, что он для меня жив».

И ей было немного досадно, что они думают, что Андрию мертв, что от него осталось одно его холодное тело. Но это было оттого, что их сердце пока еще молчало для той великой любви, которая снизошла на ее душу. И именно оттого они не смели сейчас говорить. Им казалось сейчас, что вокруг них только холодная и сырая ночь, вязкая и грязная дорога и затерянная у незнакомаго лса могила. Вероятно, они думали, что ее душа сейчас стиснута таким же холодным ужасом и проклятием. И, чтобы они так не думали, она сказала:

— Видь мы сейчас в милой и родной нам Галиции.

Но никто не ответил. Они хотели, чтобы на сердце у нея было сумрак. Только мама пожала ей руку: вероятно, она поняла.

Фурманка передо со стуком и хлопьями колес свернула с дороги влево. Видно было, как она с трудом выдернула задний козес.

— Эй, кучер, не потамай дессоры! — крикнул Семенов. Сильно накренившись, коляска нырнула в канаву и, содрогаясь всем кузовом, вышла на мягкую пашню. Лошади побжали точно по бархату.

Теперь скоро? — спросила Женя.

— Надо-быть, где-нибудь тут! — крикнул Семенов.

Втерь, прекратилась.

Сталотепле, — сказала Женя.

Ей хотелось говорить. Ей хотелось, чтобы все услышали, как спокойна и радостна ее душа.

— Оттого, что справа тель, — сказала осторожно комендант, очевидно,

думая, что ему следует выбирать слова.

Все они думали, что ее надо падинг. Как смшно! Ей хотелось улыбаться. Ведь сейчас она увидит Андрия, опять коснется его руками. Это было как чудо.

— Отчего все молчат?

— сказала она ясно и звонко. — Отчего надо молчать, когда из жизни ушел тот, кого мы любили? Наоборот, по моему, надо говорить. Я никогда не понимала, отчего все начинают молчать, когда умирает кто-нибудь близкий. Как странно!

Тяжелая рука матери легла ей на руку, точно желая ее успокоить.

— Да ить же, мама, ты напрасно. Мне так хорошо.

Но та сжимала ее руку сильнее и сильнее. И все по-прежнему молчали. Вероятно, они думали, что она немного сошла с ума. Ну что же, пусть.

Женя оглядывалась по сторонам. Теперь уже справа были ясно видны мохнатые лапы и прямые стволы соснового лса. Оттуда несло теп-

лом и запахом хвои. Но у Женя было такое чувство, точно теплом вьет от приближения к могиле. И от этого сильно стучало сердце. Ей хотелось выпрыгнуть из экипажа и бежать.

Наконец передний фонарь остановился.

— Вот и приехали, — сказал комендант тем же неестественным голосом.

Он ехал с лошадью. Коляска остановилась.

— Где? Где? — спрашивала Женя.

И вдруг увидела большой темный крест, точно часть теплой окружающей тьмы. Упал свет фонаря. И Женя поняла, что крест был деревянный, только что сдланный из двух толстых брусков. Она хотела себя уприть, что это как раз то, что она надеялась увидеть, но ей было все же страшно и почему-то мучительно смотреть.

— Скорее, скорее! — попросила она.

Но ее не слушали. Мать тяжело опустилась перед могилой на колени и, перекрестившись, поклонилась в землю. Оба офицера, солдаты и хохот, привезший гроб, обнажив голову, тоже перекрестились. Все они знали, что надобно теперь делать, и

Кавказский фронт. Съ продуктами на передовую позицию.

Кавказский фронт. Землянка пехотного полка.

только не знала этого она одна. Ей сдвинулся страшный лѣсъ, воли которого они стояли, и огня, и понурая голова хохла съ длинными усами. Ей хотѣлось вздохнуть, но изъ лѣса вѣяло душнымъ тепломъ. И все было такъ отчетливо и оскорбительно ясно.

И вдругъ она поняла, что не хочет и не можетъ этого принять: ни этого креста, ни этой ночи, ни того, что она стоитъ здѣсь передъ этой чужой и страшной могилой. Ей хотѣлось биться и кричать:

— Я не хочу, я не хочу!

И, сжимая пальцы и поднявъ плечи, она отвернулась отъ могилы въ темноту.

— Ну, надо приступать, — сказалъ голосъ коменданта.

Кто-то подошелъ къ ней и положилъ руку на плечо. Это мама. Повернувшись бокомъ, Женя видѣла, какъ покачулся крестъ.

— Вѣнокъ... упадетъ вѣнокъ, — сказала она, замѣнивъ съ того боку, гдѣ стояла, небольшой хвойный вѣнчекъ, укрепленный на гвоздяхъ.

— Онь, барышня, крѣпко, — сказалъ Семеновъ.

Кавказский фронт. У колодца.

Крестъ вывернули и отнесли въ темноту. Въ рукахъ у обоихъ солдатъ блеснули заступы. Сначала они разметали низенькую и длинную насыпь, такую же, какъ у австрийской могилы. Потомъ начали рыть съ двухъ противоположныхъ концовъ, далеко отступая отъ могилы, точно собираясь рыть рядомъ еще двѣ новыхъ могилы.

— Что они дѣлаютъ? — въ страхѣ спросила Женя.

— Подступы, — сказалъ комендантъ: — чтобы легче было сойти внизъ.

— Не смотри, — сказала мама, отводя ее дальше къ сторону.

Сзади было слышно, какъ чиркало о камешки острое желѣзо. Рыли долго. Дѣлали краткую передышку и рыли опять. Фыркали лошади, звеня сбруей, и ночь казалась обыкновенной и страшной. Женѣ хотѣлось вспомнить свою большую любовь, но нѣ душъ были только вялость и тушость. Чиркало желѣзо, хрипѣли лошади, позванивала сбруя.

Она положила въ тоскѣ голову матери на грудь.

— Мама, я не могу, — сказала она: — все это теорія. Мама,

скажи, гдѣ взять мнѣ мужества? Мнѣ не страшно умереть, но страшно это пережить. Мама, гдѣ мнѣ взять мужества?

Но мать молчала, поглаживая ее по спинѣ. Ей было хорошо: вѣдь не она потеряла Андрея. Она любила ее, а она была жива. Въ Андрей принадлежалъ только ей, и поэтому она была сейчасъ у этой могилы совершенно одна.

— О, утѣшь меня, мама, — сказала она. — Неужели ты не понимаешь, какъ мнѣ тяжело? Мама, мама, вѣдь я должна теперь жить. Ты это только пойми!

Мать смотрѣла на нее съ непонимающимъ, но сокрушеннымъ лицомъ.

— Пусти меня! — крикнула Женя. Она знала, что ее голосъ сейчасъ дикъ и страшенъ. — Я хочу видѣть, какъ его отрывають. Согласись, это мое право.

Это говорила она, но это говорила въ то же время не она, а кто-то большой и страшный, кто сидѣлъ въ ней. Онъ былъ настолько страшенъ, что могъ повелѣвать людьми. Когда она подошла къ краю зияющей ямы, эти люди перестали рыть.

Они стояли въ ямѣ по самую грудь, прямо на тѣхъ, кто былъ похороненъ. Они давили ихъ своими ногами, потому что они были живые и смѣли это дѣлать.

— Оставьте ихъ... не смѣйте этого дѣлать! — сказала Женя, но наверху ее не поняли. Поняли только стоящіе внизу.

— Барышня, уже! — сказалъ Семеновъ, извиняясь. — Эй, свѣти сюда фонаремъ! — крикнулъ опъ. хохлу. — Тутъ брезентъ, — продолжалъ онъ, нагибаясь.

Теперь Женя явственно видѣла два черныхъ подхода съ обѣихъ противоположныхъ сторонъ ямы. О! Даже отрываніе могилъ имѣетъ свою собственную страшную технику. Женя сбѣжала внизъ по черному рыхлому грунту. Оба солдата тянули съ разныхъ концовъ край тяжелого брезента, полный комьевъ земли. Наконецъ имъ удалось поднять его кверху. Стало тяжело дышать. Она хотѣла что-нибудь увидѣть и не могла.

— Барышня, мы подымаемъ наверхъ, — сказалъ Семеновъ.

Кавказский фронт. строить мостъ.

Они освѣщали фонарями что-то не похожее на землю. Всмотрѣвшись, Женя увидѣла, что это сукно защитнаго цвѣта, потому что дальше кверху увидѣла сапоги, торчавшіе круглыми носками вверху... одну, другую, третью пару. Она поняла, что стоитъ въ головахъ могилы. Что-то страшное чернѣло у ногъ. Это — лица. Лица, ставшіе какъ земля.

Кто-то взялъ ее за талию, но только не мама. Она услышала сдержанно-ласковый, но настойчивый голосъ коменданта: — Дорогая, пойдите же наверхъ.

Да, конечно. Она мотнула ему головой. Вѣдь она же не знала, который изъ нихъ Андрюша. Обернувшись, она видѣла, какъ Семеновъ и другой солдатъ подняли одно неподвижно-твердое гѣло изъ ямы.

— Этотъ самый, — сказалъ другой солдатъ.

Кавказский фронт. Полевая корпусная хлѣбопекарня, отапливаемая нефтью.

Тёло въ такихъ же страшныхъ черныхъ сапогахъ, какъ у всѣхъ, съ круглыми торчащими вверхъ носками, положили на траву. Другой офицеръ хлопоталъ у фурманки, на которой продолжалъ еще стоять гробъ.

Женя смотрѣла издали, все еще не смѣя подойти къ тому страшному, что означало Андриюшу. Семеновъ разстегнулъ пуговицы на шеѣ у лежащаго трупа, у котораго точно такъ же, какъ и у другихъ, вмѣсто головы было что-то черное, и сказалъ:

— Они самые.
«Почему?» — подумала она и вдругъ поняла, что это тамъ ее портретъ. И тотчасъ одинокое и страшно лежащее тѣло сдѣлалось для нея дорогимъ и близкимъ.

«Это Андриюша».
Она бросилась впередъ, но за одинъ шагъ что-то удержало ее. Она упала на колѣни и, обхвативъ голову руками, не смѣла приблизиться къ трупъ, потомъ поползла и, преодолевая отвращеніе и ужасъ, осторожно взглянула въ то мѣсто подъ чернымъ подбородкомъ, гдѣ были разстегнуты пуговицы ворота. Еще она увидѣла обнаженные бѣлые зубы, но тотчасъ же опустила глаза. Ей хотѣлось навсегда сохранить въ памяти образъ прежняго Андрия. Дотянувшись, она нащупала рукой холодный медальонъ и тонкую цѣпочку.

— Пусть, — сказала она голосомъ измѣненнымъ отъ рыданій: — пусть это навсегда останется на немъ... Онъ носилъ это въ дни разлуки и въ смертнѣйшій часъ. Оставьте, не трогайте...
Она выпрямилась на колѣняхъ и посмотрѣла съ нѣжною ласкою на покорно лежащій, теперь такой ей милый трупъ и прибавила:

— Онъ этимъ связалъ навсегда меня съ собою.

VI.
Послѣ глупаго спора съ Костей и проигравъ ему на пари послѣдніе двадцать пять рублей, такъ что въ карманѣ осталась одна мелочь, Андрей былъ сердитъ. Не дождавъ до второго разбѣда, поѣхавъ, какъ всѣ и ожидали, остановился на первомъ.

— Это уже такой законъ, — сказалъ поручикъ Юрасовскій съ мягкимъ акцентомъ, какъ у хохловъ.

Онъ держалъ банкъ. Играли въ двадцать одно. Но игра не клентась. Стали расходиться. Карты перешли къ Костѣ.

Вдругъ онъ обратился къ скучающему и злому Андрею. Въ глазахъ его былъ спокойный и увѣренный вызовъ, съ которымъ

Кавказскій фронтъ.
Въ долинѣ р. Евфрата. Группа пѣшихъ во главѣ съ командиромъ Мушскаго жандармскаго батальона.

онъ обыкновенно говорилъ съ мужчинами, непріятными ему и и враждебными.

— Я видѣлъ у тебя на шеѣ одну вещь. Хочешь, сыграемъ?

Сначала Андрей только удивился, потомъ густо покраснѣлъ. Но это, пожалуй, было очень похоже на Костю, и онъ усмѣхнулся. Пальцы у Кости, жадно тасовавшаго карты, терпѣливо вздрагивали. Онъ даже опустилъ глаза, боясь, что Андрей прочтетъ въ нихъ слишкомъ жадный блескъ и откажется отъ предложенной игры.

«Собственно, онъ считаетъ меня за окончательно падшаго», — подумалъ Андрей, но ему сдѣлалось скорѣе жаль Кости, чѣмъ обидно на него.

И захотѣлось Костю помучить. Въ самомъ дѣлѣ, чортъ бы его взялъ, это еще вопросъ, кто въ данномъ случаѣ поступилъ бы хуже: онъ, который принялъ бы Костину предложеніе, или Костя, который его сдѣлалъ? Оба хороши мальчики.

— Идетъ... Чего тамъ... — сказалъ Андрей.

Ему было веловко назначить большую цѣну за такую вещь и, кромѣ того, хотѣлось вернуть пари.

— Въ двадцати пяти рубляхъ, — сказалъ онъ.

— Въ банкъ двадцать три, — сказалъ Юрасовскій.

Костя добавилъ два рубля. Въ купѣ оставались только они трое.

Костя сдалъ карты. Андрею не хватало десяти очковъ.

«Неужели, если я попрошу у него сейчасъ карту, это будетъ непремѣнно тузъ?» — подумалъ Андрей. — Во всякомъ случаѣ, вѣроятность малая»...

Онъ попросилъ карту. Костя съ презрѣніемъ выбросилъ ее.

— Прошу осторожнѣе, — сказалъ спирито Андрей.

Онъ поднялъ карту, упавшую съ дивана, вполнѣ увѣренный, что это не тузъ и даже, навѣрное, валетъ, такъ что не только не одудеть перебора, а даже будетъ глупый недоборъ, несмотря на весь сдѣланный имъ рискъ. И отъ этого онъ считалъ себя вдвойнѣ въ правѣ такъ поступить.

— Тузъ, — сказалъ онъ съ недоумѣньемъ и испугомъ, открывъ карту.

Все это произошло необыкновенно быстро.

Юрасовскій захохоталъ. Костя, напротивъ, остался чрезвычайно серьезнымъ. Онъ собиралъ карты, высоко поднимая брови. Андрею хотѣлось открыть на его губахъ хотя бы тѣнь усмѣшки, но онъ были неподвижны, и даже было что-то торжественное въ общемъ выраженіи его лица и осанкѣ всей фигуры.

Юрасовскій, еще немного посмѣявшись изъ вѣжливости, вышелъ. Андрей съ непріязненнымъ чувствомъ сорвалъ съ шеи медальонъ и бросилъ его Костѣ. Ему хотѣлось видѣть въ этомъ непремѣнно смѣлѣющую сторону. Но Костя съ дѣловымъ видомъ спряталъ медальонъ въ свой изящный новенькій бумажникъ,

Кавказскій фронтъ. Сарты со своими верблюдами, составляющие вьючный транспортъ.

Кавказскій фронтъ. Молоканскій военный транспортъ. Молокане, отличные хозяева, приносятъ каавказской арміи большую пользу, поставляя прекрасныхъ лошадей и вмѣстительные фургоны.

встать безукоризненно вѣжливо и даже сказать по-товарищески:

— Пойдемъ, однако, посмотримъ... Что-то стало тихо. Онъ щадилъ Андрея, потому что считалъ его сейчасъ особенно морально-интереснымъ.

— Довольнъ? — спросилъ его Андрей.

— Не будемъ никогда говорить на эту тему, — сказалъ Костя, остановившись и дотронулся ему рукой до плеча: — есть, мой милый, вещи... Онъ задохнулся. — Объ этомъ мы съ тобой поговоримъ когда-нибудь потомъ.

Онъ сдержанно улыбулся. Андрей близко видѣлъ его сухіе, презирующие глаза съ толстыми тяжелыми вѣками и слышалъ непріятный запахъ одеколона, распространявшійся отъ его тулурки.

— Сейчасъ мы должны думать о томъ большомъ, что называется войною, а всѣ наши личныя недоразумѣнія мы можемъ отложить»...

— Поди ты къ чорту! — сказалъ Андрей.

Костя вздрогнулъ и поднялъ плечи, потомъ опустилъ вѣки и медленно вышелъ.

— Не устаиваетъ, — сказалъ себѣ подъ носъ Андрей: — вотъ кинимора!

И его разбирало сейчасъ зло на Женю, зачѣмъ она повѣсила ему на шею этотъ глупый медальонъ.

— Бабы! Вотъ пменно: бабы!

VII.

Въ пограничномъ городѣ Бродяхъ простояли недолго. Вечеромъ на другой же день, когда на улицахъ не было ни души и даже всюду были погашены фонари, выступили въ походъ. Полкъ

двигался темною безвидною массой. Шли въ молчаніи, и только звякали котелки. Окна всюду были плотно заштылены. Городъ казался предательскимъ и враждебнымъ, въ особенности послѣ вчерашней стрѣльбы на одной улицѣ по нашимъ.

Война уже перестала быть чѣмъ-то воображаемымъ, а сдѣлалась фактомъ. И самое интересное въ ней было отсутствіе обычнаго штатскаго сознанія, что кто-то гдѣ-то долженъ тебя охранять. Теперь каждый изъ нихъ, энергично шагавшихъ въ общемъ потокѣ по враждебнымъ камнямъ мостовой этого перваго австрійскаго города, долженъ былъ охранять самъ себя. Правда, ихъ было много, но чувства стадности не было ни у кого. Каждый чувствовалъ себя ответственнымъ самъ за себя, и это совершенно новое состояніе пришло къ Андрею.

Ему даже казалось, что это новое состояніе какъ разъ есть самое нормальное для человѣка. Правда, штатское сознаніе приводило ему разные свои доводы: оно говорило ему, что война есть состояніе временное, что гораздо выше мирный трудъ и охрана всѣхъ живущихъ мирными государственными установленіями.

Но это было скучно. Напримѣръ, Андрей съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ телеграфные столбы съ по-

равной, спутанной и вишней проволокой. Смѣшно ему казалось, что такъ, какъ теперь, гораздо лучше. Нравится ему и городъ, погруженный въ темноту, и путливо, можетъ-быть, злобно притаившіеся жители.

Въ войнѣ ему нравились откровенность и прямота. Довольно дипломатія, потому что дипломатія есть обманъ и ложь, попытка затуманить словами истинное положеніе вещей. А это — самое худшее.

Вышли изъ городскаго предмѣстья и всю ночь шли по аккуратно, по-нѣмецки, прямому и по-нѣмецки же непріятно-узкому шоссе. Ихъ полкъ шель на пополненіе резерва, и, значитъ, дѣло предстояло еще не скоро. Постепенно глаза начинали различать отдаленную холмистую по-

верхность, покрытую лѣсомъ. Ночь переходила въ чуть при-мѣтное синеет утро. А они все шли, и никто не чувствовалъ усталости.

Потомъ свернули съ дороги на свѣжій грунтъ и пошла цѣльной. Охватила торжественная тишина. Только сильнѣе дышали груди. Вышли опять на дорогу, прошли сожженное мѣстечко съ высившимися кое-гдѣ остовами обгорѣлыхъ печей, перешли неглубокой ручей, рядомъ съ обрушившимся деревяннымъ мостомъ, и стали подниматься въ гору. Холмистая гряда, покрытая лѣсомъ, которую они видѣли раньше издали, почти исчезла, и только просто сама мѣстность, покрытая рѣдкимъ кустарникомъ, непримѣтно поднималась въ гору. Лѣвый сапогъ у Андрея начинать сильно жать въ подъемѣ, и только это его сейчасъ серьезно огорчало.

Ему почудился въ отдаленіи глухой орудійный выстрѣлъ.

— Канонада, — сказалъ кто-то сади сочно и явственно.

Мѣсто боя, очевидно, приближалось, но, судя по замутненности выстрѣла, оно было еще далеко. Вдругъ передняя рота остановилась. Съ праваго фланга зачѣмъ-то проскакали казаки. Видно было, какъ головная часть колонны начала быстро погружаться въ кусты. Андреемъ овладѣло волненіе. Ему показалось, что произошла тревога. На лицахъ окружающихъ онъ читалъ то же. Къ нему подошелъ Юрасовскій и сказалъ тихо, но явственно, и онъ понялъ, что это команда:

— Ваше направленіе вотъ эта сосна со сломанной верхушкой.

И, какъ бы отвѣчая на его недоумѣніе, впереди въ кустахъ заговорила ружейная перестрѣлка.

Кто-то сказалъ:

Кавказскій фронтъ. Молокане-фургошники, обслуживающе интанданство

Кавказский фронт. Сборы к отъезду на передовые позиции.

Обошли.

Неприятно дрогнуть воздух, и Андрей не столько услышать, сколько понять, что это близкий орудийный выстрел. Что-то тошнотворно-отхаркивающее и гадкое. Он инстинктивно пригнул голову. Ему стало стыдно, и он оглянулся на прочих. Соседняя полурота, плавно загигая, отблываясь от его людей. Он крикнул команду, но его не услышали, и ему стало от этого вдвойне стыдно.

Значит, я трусь, подумал он: какая гадость! Темным столбом в десяти сажнях разорвался снаряд. Андрей оглянулся на свою часть и увидел, что она уже впереди. Как это случилось, он не мог понять. Потом он вспомнил себя уже впереди своей части, рядом со стариком фельдфебелем. Тучный фельдфебель остановился, снял фуражку и вытер лысину красным платком. Андрей понял, что здесь надо остановиться и ждать приказаний.

Сильно жмет сапог в подмышку, — сказал он фельдфебелю. Но тот слѣдѣлъ за тѣмъ, какъ ложился снаряды.

— Неужели наши, ваше благородие? — сказал он наконец, смѣясь. — Вот уж именно Богъ спасъ. Не приведи Господи, какая каша.

Впечатлѣніе было такое, что снаряды летятъ прямо на нихъ. Но Андрей теперь знаетъ, что, разъ полетъ слышенъ надъ головой, то это уже не страшно. Въ этомъ же его убѣждаетъ перелетъ снарядовъ, черными смѣшными столбами ложившихся далеко въ сторонѣ.

Теперь не было страшно. Скоро будетъ полученъ приказъ идти въ атаку. Саперы, пригнувшись около кустовъ, поползли, какъ кошки, подстерегающія добычу. Вышли на крутую поднимающуюся вверхъ поляну и побѣжали.

И какъ все это случилось вдругъ! — удивился Андрей. — Значитъ, не одни мы подкрадывались ночью.

И въ немъ больше всего говорилъ сейчасъ инстинктъ игрока, который знаетъ, что его намѣренія разгаданы партнеромъ.

Онъ понимаетъ, что они сейчасъ бѣжали подъ обстрѣломъ, знаетъ также, что ему сейчасъ пробито фуражку пулею нечужого выше лѣваго виска. Но его гораздо болѣе заботило, что онъ бѣжалъ, хромая отъ узкаго сапога, и онъ ругалъ приказчика, который уговорилъ его въ офицерскомъ экономическомъ обществѣ взять именно эти сапоги. Отъ подъема въ гору и быстро бѣга мутило сознание. Онъ вѣдулъ считать шаги, оставшіеся до чернѣвшихъ впереди проволоочныхъ загражденій, низенькихъ и подлыхъ, которые говорили о человѣческой трусости. Червяками возтъ они уже ползали наши саперы.

Шаговъ пятьдесятъ, считалъ онъ: тридцать...

Ему казалось, что онъ никогда не добѣжитъ или, если добѣжитъ, то тутъ

же умереть отъ жажды, или у него не выдержитъ бьющее сердце. Было смѣшно то, что теперь онъ и фельдфебель уже не бѣжали, а просто шли подъ огнемъ, точно это былъ дождь или градъ. Андрей невольно нагнулся, загнувшись о что-то. Это были наши солдатики. Онъ сидѣлъ, откинувшись навзничь, и, точно прислушиваясь къ чему-то, серьезно поглядѣлъ въ глаза Андрею. Андрею стало неловко передъ этимъ взглядомъ человѣка, для котораго было уже все кончено. И, перевернувшись черезъ него, онъ побѣжалъ дальше. Еще онъ помнилъ конецъ торчавшей проволоки, о которую больно опаралась себѣ руку. Потомъ на него пахнуло свѣжестью лиственного лѣса съ желто-красными тѣнями дуба и клена. Должно-быть, въ быстромъ бѣгѣ онъ пробѣжалъ по козырьку вражескаго окопа и перепрыгнулъ черезъ глубокую траншею, потому что сзади изъ темной щели выглязали глупо и неуклюже блондины, съ крошечными голубыми глазами, въ сѣро-голубыхъ шинеляхъ и медленно и

дѣловито складывали ружья прикладами впередъ. Фельдфебель ихъ пересчитывалъ, хозяйственно отдуваясь. На остромъ птичьимъ носу у него висѣла капелька пота.

Значитъ, я не трусикъ, думалъ Андрей: и я теперь настоящей человѣкъ. Но что собственно произошло и гдѣ мы?

Этого онъ не знаетъ и не понималъ. Впрочемъ, какой-то главный ходъ былъ выигранъ. Это было для него, какъ для игрока, совершенно ясно. И война понравилась ему еще болѣе.

Больше всего удивился Андрей, когда почувствовалъ, что уже вечеръ, и между стволами деревьевъ показались походная кухня, отъ которой пахло ароматнымищами. Солдаты шутили точно на маяврахъ. И только странныя фигуры въ сѣро-голубыхъ шинеляхъ съ лицами такими же добродушными, какъ у нашихъ солдатъ, сразу перенесли въ боевую обстановку.

Андрей пошелъ вдоль занятыхъ австрійскихъ окоповъ отыскивать ротного. Хотя секреты были выдвинуты далеко, въ глубь лѣса, но неизвѣстность мучила до такой степени, что даже не хотѣлось вѣстий. У ротного, высокаго и тучнаго бронежета, штабсъ-капитана Кругликова, было точно такое же настроеніе.

— Кто ихъ знаетъ, куда они попрятались? — говорилъ онъ кисло морщась.

Въ полномъ боевомъ снаряженіи, съ большой черной окладистой бородой, онъ былъ похожъ скорѣе на какого-то южно-славянскаго носову, чѣмъ на рядового офицера русской арміи.

Но даже эта неизвѣстность радовала Андрея. Если бы было можно, онъ самъ ушелъ бы и залегъ въ секретъ. Теперь онъ въ особенности понималъ, что на войнѣ, какъ въ игрѣ и въ жизни, первое руководящее значеніе имѣетъ смѣлый замыселъ

Кавказский фронт. Пулеметы въ укрытіи на позиціи

и вѣрно рассчитанный планъ. И его злило, что этотъ планъ знаетъ сейчасъ гдѣ-то кто-то тамъ другой, а не онъ самъ. Андрей онъ принялся бранить штабныхъ. Но его мѣлкіе, было неловительно просмотрѣть обходъ. По своему своему характеру, Андрей считалъ возможнымъ обходить другихъ, но не былъ обходимымъ самому. И вотъ теперь стой передъ этимъ лѣсомъ!

Костя положилъ ему сзади руку на плечо. Это былъ Костя.

Ну, вотъ и ты, — сказалъ онъ.

Успокоился. И живъ, — сказалъ грубо-васѣшливо Андрей.

Но Костя на этотъ разъ странно не разсердился.

Можно тебѣ сказать два слова? — попросилъ онъ. Во-первыхъ, у тебя сильно опарана рука.

Андрей, въ самомъ дѣлѣ, ощутилъ сильное жженіе въ рукѣ, и Костя сдѣлалъ отъ этого ему вдвойнѣ неприятно. Вспомнилась пощечина съ медальономъ, которую онъ допустилъ. Но Костя вѣлъ его подъ руку.

Я поступилъ нехорошо, — сказалъ онъ, и лицо у него было омерзительно виноватое: вѣдь-таки надо помнить, что мы переживаемъ великія минуты.

Что тебѣ нужно? — сказалъ Андрей, который органически не выносилъ этой книжной манеры разговаривать.

Если я тебя обидѣлъ, прости, — сказалъ Костя. Знаешь, сегодня я почувствовалъ, что непременно буду убитъ, продолжалъ онъ, неприятно улыбаясь: и я очень радъ, что сейчасъ ты живъ. Это не трусость, но это мое глубокое убѣжденіе. И если хочешь, я радъ. Ты счастливѣе, Андрюша.

Отвернувшись, онъ схватилъ большую руку Андрея воистину кисти, точно хотѣлъ причинить ему боль.

Ну, пока прощай!

Не поворачивая лица, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, потомъ остановился.

Это останется у меня, не правда ли? — сказалъ онъ вѣрнливо крошечку.

Ты выигралъ, сказалъ Андрей, которому не нравились все эти сантиментальности.

Совѣмъ не то... Ну, все равно... Ты меня не понимаешь... Я поступилъ съ тобой безчестно.

Поди ты! — разсердился Андрей.

Больше всего его удивило сейчасъ, что Костя обратился къ нему съ такими пустяками.

Должно-быть, это и есть въ самомъ дѣлѣ любовь — подумалъ онъ. Въ общемъ, ужасно неприятная исторія.

Костя шелъ, не оборачиваясь и деликатно выбиралъ ногами удобныя кочки.

Быть ему адептантизмъ! — рѣшилъ Андрей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

На кавказскомъ фронтѣ. Раненый турецкій аскеръ по дорогѣ на перевязочный пунктъ.

Проводы.

Свѣтомъ занесены бѣлые низкія хаты, Бѣлыя сумерки смотрятся въ окна и хмурятся; Сонной деревней прошли новобранцы-солдаты, Ихней веселой они огласили всю улицу...

Звѣздами яркими искрятся, блещутъ сугробы, Поле окутано снѣгомъ призрачной дымкою, Въ вѣрности кто-то кому-то клянется до гроба И печалью вѣки невидимкою.

Сумрачный мѣсяцъ робко-пугливо маячитъ, Скринувши гдѣ-то болѣзненно, тихо такъ шери, Тамъ у каминки кто-то невидимый плачетъ, Жалко кому-то близкой недавней потери...

Нѣтъ намесовъ и улыбокъ Были сотканы мечты, Но мечтаній бредъ такъ зыбокъ, Хрупки счастья цвѣты... Загуманились лапы, Оцѣвѣли цвѣты весны; И такъ грубо разгадали Нѣжно-розовые сны... Грѣзи смыво ураганомъ, Разметало по пути; За отчизну на врага намъ Всѣмъ приказано идти...

Михаилъ Андреевъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Группа турецкихъ аскеровъ, взятыхъ въ плѣнъ.

На живацкомъ фронтѣ. Выбучный транспортъ у своего штаба.

На Западномъ фронтѣ.

Рассказы В. Ропшина.

По телефону.

Алло! Алло!.. Это вы, полковникъ О'Нейлъ?
Да, это я... Это вы, лейтенантъ Саксби? Вы заняли ферму?
Да, сэръ, мы заняли ферму. Насъ теперь 23 человека. Унтеръ-офицеръ Дженингсъ убитъ и ранено двое солдатъ. Нѣмцы стрѣляютъ изъ тяжелыхъ орудій. Снаряды ложатся паче, у деревни, въ 300 ярдахъ отъ насъ.
Значитъ, все хорошо?
Все превосходно... Мы взяли въ плѣнъ двухъ баварцевъ. Одинъ изъ нихъ раненъ... Только-что пролетѣлъ нѣмецкій аэроплантъ... Снаряды ложатся ближе... Одна граната разорвалась у насъ на дворѣ... Алло! Алло!.. Полковникъ О'Нейлъ?
Я слышу. Въ чемъ дѣло?
У насъ пробило снарядами крышу. Трое убитыхъ. Нѣмецкая батарея за дѣломъ у разрушенной церкви. Расстояние 2 миля. Прикажите открыть артиллерійскій огонь... Я думаю, что нѣмцы готовятъ атаку.
Выслушайте въ развѣдку патруль.
Патруль высланъ... Нѣмецкая батарея продолжаетъ стрѣлять. У насъ ранено еще двое... Изъ дѣла выходятъ нѣмцы... Не меньше роты... Алло!..
Въ чемъ дѣло?
Нѣмцевъ двѣ роты. Они идутъ прямо на ферму. Мы стрѣляемъ бѣглыми огнемъ... Аджутантъ Вуттонъ раненъ... Я не думаю, чтобы мы могли долго держаться безъ подкрѣпленія...
Къ вамъ на помощь идетъ батальонъ Пешаверской пѣхоты. Держитесь, прощу васъ... Вы держитесь? Лейтенантъ Саксби?
Сэръ?
Вы держитесь?
Мы держимся, сэръ... Нѣмцы остановились... Они теперь за полотномъ желѣзной дороги... Загорѣлся сарай... Мы не въ силахъ тушить пожаръ: насъ всего четырнадцать человекъ, и мы стрѣляемъ безъ перерыва.
Гдѣ нѣмцы?
Они все еще за желѣзной дорогой. Прикажите батареѣ ихъ

обстрѣлывать... Я думаю, сэръ, что, если Пешаверскій батальонъ опоздаетъ, мы не сможемъ защитить ферму...
Защитайте ферму до послѣдняго человека... Это необходимо... Вы слышите, Саксби?
Слушаю, сэръ.
Алло! Алло! Алло!.. Какъ дѣла? Гдѣ вы были? Алло!.. Почему вы такъ долго не отвѣчали?
Я раненъ въ лѣвую руку... Мнѣ дѣлали перевязку, сэръ... Нѣмцы вошли до садовой ограды. Они затеяли во рву... У нихъ большія потери... У насъ тоже большія потери: насъ осталось семь человекъ. Аджутантъ Вуттонъ скончался.
Первая и вторая батареи стрѣляютъ по саду. Я отдаю приказъ... Можете вы продержаться еще полчаса?
Я сдѣлаю все возможное, сэръ.
Я приказываю вамъ, Саксби.
Слушаю, сэръ... Снаряды второй батареи рвутся у нѣмцевъ, но первая батарея даетъ пересты. Прикажите исправить стрѣльбу... Пожаръ перекинулся на конюшни. Дымъ бѣжитъ изъ насъ трудно стрѣлять... Алло, сэръ, алло!..
Я слушаю, Саксби.
Нѣмцы приближаются къ фермѣ... Они въ саду и стрѣляютъ изъ-за деревьевъ... Я забаррикадировалъ двери, и мы стрѣляемъ изъ оконъ. Пожаръ все сильнѣе... Кажется, загорѣлась крыша.
Прошу васъ, держитесь.
Мы держимся, сэръ.
Сколько людей осталось на фермѣ?
Кромѣ меня, всего три человека...
Пешаверскій батальонъ долженъ быть близко.
Да, сэръ, я пафюсъ... Нѣмцы уже во дворѣ, у самихъ воротъ... Они сейчасъ войдутъ въ ферму... Это баварцы. 113-й полкъ... Я стрѣляю изъ револьвера...
Алло! Алло!.. Лейтенантъ Саксби!
Здѣсь, сэръ... Нѣмцы на тѣснѣнцѣ... Кромѣ меня стрѣляютъ только одинъ человекъ, унтеръ-офицеръ Кундифъ. Остальные убиты или ранены такъ, что не могутъ стрѣлять... Очень жарко...

ферма горитъ... Если Пешаверскій батальонъ сейчасъ не придетъ, то мы сгоримъ... Алло, полковникъ О'Нейлъ, алло!..
Алло! Алло! Алло!..
Сэръ, я оставлю телефонную трубку...
Алло!
Если съ нами будетъ кто-нибудь говорить, не вѣрьте... Это оудуть говорить нѣмцы... Унтеръ-офицеръ Кундифъ убитъ...
Алло! Алло! Алло!..
Сэръ, я раненъ въ грудь и лѣвую ногу... Вы слышите, сэръ?
Я слушаю, Саксби...
Желаю вамъ и полку успѣха... Я не въ силахъ говорить громче... Вы слышите, сэръ?
Да, да... я слушаю, Саксби...
Я сдѣлаю, что могу... Умираю...
Алло!.. Лейтенантъ Саксби!.. Алло!..
Будьте счастливы... сэръ.

Малинь.

Молодой краснощекий фламандецъ, лейтенантъ въ полку Гидовъ, выпилъ стаканъ вина и сказалъ:
Вы спрашиваете, что самое странное на войнѣ?.. Есть страхъ и есть ужасъ. Страхъ можно преодолѣть, но ужаса преодолѣть невозможно... Мы все боимся и все привыкаемъ къ страху. Развѣ не странно, когда скринить надъ головою иранецъ? Развѣ не странно, когда взрывается 305-миллиметровая граната? Развѣ не странно, когда впадать со свѣтъ стороны, пули?.. А атака? Идемъ по открытому полю и знаемъ, знаемъ, знаемъ, что придется смертный часъ. Но человекъ привыкаетъ и къ смерти. Увѣрю васъ, привыкаетъ... Настаютъ угрюмыя будни: сегодня траншея, завтра траншея, послѣзавтра траншея, сѣнь, туманъ и дождь... Нельзя бояться круглыхъ сутки. Нельзя когда-нибудь свою жизнь... Спросите любого изъ насъ, поголовно съ каждымъ изъ тѣхъ, кто былъ, напиримъ, на Изеръ. Каждый скажетъ, что вырабатывается привычка. Но дѣло не только въ привычкѣ... Въ траншеяхъ все понитно, все заранее и вѣрно. Вы знаете, что за рѣкою, напротивъ, нѣмцы, то-есть тамъ те, какъ вы, обыкновенные люди, знаете, гдѣ опасность, знаете, что необходимо быть осторожнымъ. Не высовывайтесь на паранетъ и не заглядывайте въ боиницы. Вотъ и вся безхитростная наука... Нѣмцы стрѣляютъ, но вѣдь стрѣляемъ и мы. Мы защищаемся, они нападаютъ. Пш, наоборотъ, мы напа-

даемъ, а они пытаются защищаться. Даже и въ патруль не страшно. То-есть жутко, конечно, потому что ночь и темно... Но и ночью все разсчитано, все знакомо, и твердо знаешь, что дѣлать... Ужасъ начинается тамъ, гдѣ есть неожиданность. И противъ ужаса безсильна привычка... Когда ужасъ укушетъ васъ, вы не въ силахъ сохранить хладнокровіе. Но вѣдь ужасъ и въ мирной жизни... Не только на войнѣ, но и дома... Кто не испугать и не знаетъ его?

А вы испугали?

Я испугалъ на войнѣ... Вы знаете, послѣ битвы на Жегѣ мы, бельгийцы, отступили въ Антверпенъ. Началась осада, а съ ней вылазки гарнизона. Въ сентябрѣ мы отбросили нѣмецкія войска и дошли почти до Малина. Нангъ полкъ, конныхъ проводниковъ, остановился на ночь въ Гомбеке. Полковникъ собралъ офицеровъ и говоритъ: „Господа, кто возьмется съѣздить въ Малинь, посмотреть, есть ли въ Малинѣ нѣмцы?“ Я говорю: „Я возьмусь“. Дали мнѣ сорокасильный автомобиль, сѣсть я, поднять воротники у шинели... было холодно и свѣтила луна, и поѣхалъ. Тамъ по дорогѣ, свѣтло, надъ рѣкою вѣется туманъ, пылая сонныя, деревья сонныя, неподвижныя, только вѣтеръ въ листьяхъ свиститъ, потому что ѣхать я быстро, километровъ по 40 въ часъ. Кругомъ фламандская, мирная, озаренная холоднымъ свѣтомъ, равнина. Точно итъ войны и итъ нѣмцевъ. Точно выѣхалъ я на прогулку... Шуршагъ листья и стучитъ торопливо моторъ... Миновалъ я мостъ черезъ рѣку, уменьшилъ ходъ, подвигаюсь уже осторожно... — хотя какая гуть осторожность? Развѣ автомобиль не слышно за три километра?.. Выѣхалъ въ предместье. Въ предместьѣ другая картина. Дома темные, мурые, при лунномъ свѣтѣ унылые, кое-гдѣ разбито окно, разворочена крыша, кое-гдѣ дымится стропила. Пш огня, ни звука ни души ничего. Только пахнетъ золой... Мертвый городъ. Пустыня... Остановился я у собора, осмотрѣлся, башни бѣлыя, площадь пустая и застывшая, на бѣдномъ небу луна. Вынулъ я папиросу, хотѣлъ закурить, вдругъ вижу: скользнула черная тѣнь. И какъ-то странно скользнула: не то по воздуху, не то по землѣ, — вдоль соборной стѣны. Протеръ я глаза, — никого. Кто это былъ? Конечно, не человекъ... Но кто же? Или померещилось мнѣ?.. Вдругъ опять: у водосточной трубы... А тамъ еще и еще. Сверху, слѣва, справа, изъ всѣхъ угловъ, изъ воротъ, изъ улицъ, изъ переулковъ... Не десятки, сотни тѣней... Яркое свѣтитъ луна, сияютъ башни собора, а кругомъ меня пляшутъ тѣни, чьи тѣни? Чья водруженная пляска? Сидю я, стыдно сказать, пошевелился боюсь. Закрывъ воротникомъ и не дышу, не смѣю взглянуть.

Пожаръ въ деревнѣ Ц. Силмолъ сдѣланъ во время обстрѣла, отъ котораго возникъ пожаръ.

А онъ все ближе и ближе. Я ихъ чувствую, я ощущаю въ нихъ тѣло, что онъ, эти тѣла, тутъ же, около меня, у автомобиля, на крышахъ, на соборной оградѣ, на мостовой, на колесахъ, на фонаряхъ. Ожила площадь. Ожить мертвый Малинъ. И потъ, какъ во снѣ бываетъ, окаменѣли руки и ноги, сижу и жду, а чего именно жду не знаю. И вдругъ крикъ. Не крикъ, а робкій и жалобный пискъ... И тутъ только я понимаю, тутъ только я догадываюсь, что это такое... Нѣтъ нѣмцевъ и жителей тоже нѣтъ... Есть коты. Есть кошачье царство. Есть кошачий, лѣтний годъ... Вдохнуть я всей грудью: когда понять, стало легко. Дернуть за рукоятку, — захватить и прогнать автомобиль. Коты плачутъ, мяукаютъ, зовутъ, видятъ, что я убѣгаю, что человекъ не пожатъ и покинулъ ихъ... Но тутъ ужъ не страшно. Тутъ и вспомнилъ о нѣмцахъ... Мчусь назадъ, въ Гембекъ. Опять равнина, опять поля, опять миръ, опять нѣтъ шума... Приѣхалъ. Спрашиваю меня полковникъ, что я вижу, есть ли нѣмцы въ Малинѣ. Я говорю: «Нѣмцевъ нѣтъ, есть коты». Онъ переспрашиваетъ: «Коты?» Я повторяю: «Коты». Да такъ и отвѣтять: «Коты...» Онъ нахмурился, говоритъ: «Что съ вами?» А я и рассказать не могу... Вижу птопадь, а на птопади голубыхъ котовъ... Вамъ странно? Мнѣ тоже... Кого испугали? Чего? Не испугали, ужасъ меня охватилъ, отъ неожиданности, отъ дупаго свѣта, отъ одиночества, отъ ровныхъ полей, оттого, что

На кавказскомъ фронтѣ. Жилье въ одномъ изъ греческихъ селеній.

Бѣлый замокъ.

Рассказъ Рене Базена.

— Пора бросать на произволъ судьбы вашихъ собакъ, баронесса, и убѣгать отсюда!

На кавказскомъ фронтѣ. Во время боевого затишья. Стирка бѣлья.

лихо, и еще оттого, что война... А вѣдь я не другъ, спросите кого угодно... Я былъ подъ Льежемъ, былъ у Гелена, потомъ въ Антверпенѣ во время осады, потомъ у Диксмуа, на Парѣ... Но страхъ одно, а ужасъ другое... Человекъ не страшень, и смерть не страшна, а пустой городъ страшенъ, — и терпѣнье мучительно, и бѣднѣе быть окаянны... Вотъ и я побѣжалъ... Не охотѣе, а поймите меня... И вспомните, знакомо ли вамъ это чувство — то чувство, которое пережить въ Малинѣ.

А ты развѣ не хочешь видѣть? Собственными глазами видѣть? — Не только видѣть, баронесса, но и почувствовать. Вотъ и дождитесь.

Старый лѣсничій торжественно указываетъ на свою прогнѣнную фуражку.

Надъ нимъ доносится гулъ перестрѣлки.

Баронесса де-Шелль, вдова въ возрастѣ, который при интересной наружности не страшенъ большой рош, пригласилъ ее. Вокругъ нея прыгала и лаяла сбѣлая сноро неаполитанскихъ охотничьихъ собакъ, но ни господина ни лѣсничіе не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Да, ты правъ, другъ мой! проговорила наконецъ баронесса. Но теперь уже слишкомъ поздно. Я остаюсь. Если бы вы поступали со мной раньше...

Совершенно вѣрно, но я думаю... Ты долженъ спрятаться. Если нѣмцы найдутъ тебя, ты будешь моментально расстрѣлянъ. Мнѣ же ничто не угрожаетъ. Куда ты пойдешь?

Лѣсничій протянулъ руку по направлению къ лесу.

Никогда не смогутъ они найти меня тамъ! — отвѣтилъ онъ. Въ лесу у меня много друзей. Я постоянно буду въ пути, чтобы сдѣлать за вами. Если они едутъ, я вамъ что-нибудь дурное, я хоть пару изъ птицъ пристрѣлю, какъ гобакъ. А если я вамъ покажусь, подожмите къ оушкамъ

На кавказскомъ фронтѣ. Доставка съна мирными жителями для лошадей Н... батальона.

не и позовите. Офицера явится немедленно, если только они не убьютъ меня раньше. Прощайте, сударыня. Я поручу старухѣ Жюли приедривать за собаками, заберу ружье и уйду. Вы не будете меня ждать, но я буду все время въ пути васъ.

Баронесса показала руку лѣсничіе, который удалился, борюча сквозь зубы:

И подумать только, что она, пѣтя возможность спасенья, осталась изъ-за своихъ собакъ. Нѣтъ, собакъ!

Черезъ пять минутъ онъ покинулъ замокъ, а еще черезъ часъ паркъ и садъ были перенесены нѣмцами.

Навигался вечеръ. По широкой аллеѣ къ замку подкатили на автомобиле, изъ которыхъ лихо выскочили восемь офицеровъ. Они поднялись по ступенькамъ террасы, держа наготовѣ арманные револьверы.

Передъ закрытой дверью спокойно стояла баронесса де-Шелль. Протицувъ по направлению къ незванымъ гостямъ свой черный зонтикъ, она проговорила:

Вы совершенно напрасно приготовили столько револьверовъ, господа. У меня, противъ этого зонтика, нѣтъ оружія. Я одна во всемъ замкѣ съ семидесятилетней экономкой!

Съ улыбкой хитрой конки генералъ склонился передъ хозяйкой замка и отвѣтилъ:

Вы заявляете, что въ замкѣ васъ только двое? Я не спрашиваю васъ объ этомъ, но генералъ предупреждаетъ, что, если найдутъ здѣсь третью обитательницу, то онъ будетъ немедленно расстрѣлянъ!

Но онъ не знаетъ никого, несмотря на самый тщательный обыскъ, которому подверглись замокъ, хозяйственные помѣщенія и паркъ.

Нѣмцы устроились въ залахъ и гостиныхъ, конфисковали кухню и въ видѣ великой милости, разрешивъ владѣицѣ замка спать и ѣсть въ ея собственной комнатѣ. Къ этой милости они добавили вторую покаланную имъ герломъ деликатности, а именно: баронессѣ де-Шелль было предоставлено право пользоваться парадной лѣсничіе, что давало ей возможность встрѣчать время отъ времени ихъ, побѣдителей.

Это было въ началѣ генября.

То, что бурмолась уходя изъ замка, старый лѣсничій было правой лини наполеону. Матильда де-Шелль не успѣла обжечь во-время только потому, что рѣшила отпраздновать ена-

чала всѣхъ остальныхъ обитателей замка, а лошадей на обратномъ пути была убита осколкомъ снаряда. Другихъ же лошадей ей не оказалось. Правда, она могла дойти пешкомъ до какой-нибудь есѣдней деревушки, но посѣтъ нѣкоторого раздумья рѣшила остаться.

Послѣдній день она измученно проработала, занимаясь, при помощи лѣсничіе, въ кустахъ, нѣкоторые цѣнные предметы. Когда старый слуга попробовалъ снова убѣдить ее въ необходимости ѣхать, она отвѣтила:

У меня тысяча причинъ, по которымъ я не хочу уходить отсюда. Главная изъ нихъ та, что я не хочу дать нѣмцамъ возможность перестрѣлять всѣхъ моихъ охотничьихъ собакъ. Это доставило бы слишкомъ большое огорченіе моему сыну, когда онъ вернется съ войны...

Это была шутка, но лѣсничій повѣрилъ словамъ своей госпожи.

Въ первый же вечеръ нѣмцы потребовали ключъ отъ погреба и отдали должное винамъ и ликерамъ. На слѣдующій день пьянство продолжалось. Побѣдители не считали нужнымъ раскланиваться съ хозяйкой замка, но гѣмъ не менѣе ежеминутно обращались къ ней съ различными требованіями, которыя она выполняла молча и спокойно. На третій день ихъ пребыванія въ замкѣ двѣ фуры были наполнены лучшими винами, мебелью, фамильными портретами, тапирками, даже бѣльемъ. Все это предназначалось для отсылки въ Германию. Генералъ не руководилъ лично этой операцией, но очень интересовался ходомъ ея.

Въ тотъ же день, въ четыре часа пополудни, баронесса де-Шелль направилась къ оушкамъ леса. Въ разныхъ мѣстахъ тамъ были разставлены снайперы. Она ехала на одну изъ нихъ и принялась за какое-то белоконечное вязанье изъ бѣлой шерсти. Надъ ней за пою ехали нѣмецкіе солдаты, занятые работой въ саду. Не прошло и четверти часа, какъ за ея спиной раздались выстрѣлы, хорошо знакомы ей по опыту.

Они не причинили ей вреда, баронесса. Она не обернулась. Какъ и въ чемъ не бывало, продолжала вязанье и отбѣжала.

Нѣтъ, ни малѣйшаго, но я все-таки за тобой!

На кавказскомъ фронтѣ. У походной кухни. Рѣзка сала для заправки

— А собаки?
— Мы с Жюли кормим их!
— Я слышу, как они лают на проклятых пруссаков!
— Приблизься немного, только осторожно, чтобы тебя не увидели. Я брошу тебе записочку, которую надо отнести командиру ближайшего французского отряда. Можешь ты это сделать?
— Надюсь, что удастся. Это сложно?
— Если возможно, записка должна быть доставлена до завтрашнего утра. Я предупреждаю командира о гоговищем нападении.
— Будет сделано, баронесса!
Де-Шетль бросила записку. Кузцы позади скамейки слегка заколыхались, и лес снова погрузился в безмолвие. Время от времени издали доносились пушечные выстрелы.
Произведенная на следующий день атака неприятеля оказалась для него неудачной. Германские офицеры не скрывали досады. Они говорили о «проклятом невезении» в присутствии хозяйки, которая не понимала, повижимому, ни слова по-немецки, так как никогда не отвечала, если с ней разговаривали на этом

— Какой грубиян! осмеливается врыгаться ко мне, когда я причесяваюсь?
Капитанъ вышелъ, не извинившись, а баронесса добавила къ запискѣ:
„Между шестью и девятью часами вечера“ и сонда вникъ въ паркъ.
— Жюли! приказала она старой служанкѣ. Уходи на ферму, куда хочешь, но не оставайся здѣсь.
— А вы?
— Обо мнѣ не беспокойся!
Какъ и въ предыдущіе дни, Жюничій унесъ письмо. Медленно обыкновеннаго вернулась баронесса де-Шетль домой.
Она смотрѣла то на замокъ, то на небо въ ту сторону, гдѣ были французскія войска. Оттуда доносились пушечные выстрѣлы.
Когда она приблизилась къ террасѣ, къ ней подошелъ офицеръ, тотъ самый, который два часа тому назадъ входилъ къ ней въ комнату, и сказалъ:
— Мы больше не доверимся вамъ! Съ этого момента вы — наша

На кавказскомъ фронтѣ. „Горные орлы“ — наши летчики на земномъ пути.

янки. Въ тотъ же день она снова бросила записку для командира отряда.

Спусти еще день она сидѣла у себя въ комнатѣ за туалетнымъ столикомъ и писала трепло анкету слѣдующаго содержанія:

„Германцы окончили разореніе моего замка. Ихъ генеръ здѣсь много, но крайней мѣрѣ двацать офицеровъ. Уничтожьте ихъ. Самое удобное время для этого...“

Внезапно открылась дверь, и на порогъ покатался кавалерійскій капитанъ. Къ счастью, онъ не замѣтилъ ни червильницы ни начатаго письма, такъ какъ баронесса де-Шетль, быстро поджавшись со стула, выхватила изъ волосъ чернаховый гребень и воскликнула:

Какъ растутъ кресты.

Разсказъ Б. Никонора.

Когда на обездоленную страну ложится тѣжное и страшное бремя войны на тихихъ поляхъ и кладбищахъ вырастаютъ кресты.

Они поднимаются то здѣсь, то тамъ, какъ страшные и печальные пивы. Земля въ такіе дни не имеетъ другихъ цвѣтовъ. Въ толь годъ, когда на нее падаетъ огненный дождь, цвѣты мирнаго времени сохнутъ и стораются, и все живое въ природѣ превращается въ сѣрый и холодный пенель. Но цвѣты-кресты возникаютъ даже подъ огненнымъ ливнемъ. И чѣмъ сильнее идетъ этотъ опалюющій ливень, тѣмъ больше вырастаютъ въ странѣ крестовъ.

Среди безчисленнаго множества этихъ крестовъ есть кресты, которые поднимаются тайно... Никто не видитъ, кто съѣлъ и сѣлъ ихъ, и посѣвъ такихъ крестовъ считается преступленіемъ. За него наказываютъ, если узнаютъ, кто воздвигъ ихъ... Почему

пѣтница. Отправившись немедленно въ сторонку на другомъ концѣ парка. Вы останетесь тамъ подъ присмотромъ нашихъ солдатъ. Вы поняли?

Баронесса выслушала изъ него и отвѣтила:

— Вы не подозреваете, какую услугу оказываете мнѣ, лишая меня вашего общества?

Не понимая она слово, она позвала двухъ улитъ, чтобы выслушать свое распоряженіе, а сама поднялась на террасу.

Въ толь же день вечеромъ, когда въ офицеръ сидѣлъ въ обѣдомъ въ большой залѣ, цѣлый дождь снарядовъ обрушился на бѣлый замокъ. Подъ разлетѣвшимися его погубилъ всѣхъ.

А на слѣдующій день началась Марнская битва.

это такъ, и отчето бились тайные кресты и тяжкія измученія за нихъ наказанія на это отвѣчаютъ безумная логика войны и крѣпко связаннаго съ ними насилія.

Это одно изъ тѣхъ противорѣчій здравому смыслу и закону любви и милосердія, какія бываютъ только во время войны. Эти противорѣчія помножаются словно уродливыя привидѣнія въ странѣ, покатшей подъ нѣгъ жестокихъ завоевателей, утратившихъ образъ и подобіе человѣческое.

Если вы хотѣте знать, какъ растутъ эти тайные кресты, я покажу вамъ тѣмной ночью на пустынной городской окраинѣ маленькую комнату съ плотно закрытыми ставнями.

Въ комнатѣ двое людей. Старикъ и женщина. Старикъ вытѣсываетъ изъ двухъ пофивъ простой соевый крестъ и на

скоро и грубо стачиваетъ его. Женщина сидитъ неподвижно на скамѣ. И всѣ ея фигура говоритъ о безмолвномъ и немѣрномъ, нѣмымъ человеческимъ мѣрамъ страданій.

Готово! — говоритъ старикъ и съ усилиемъ выпрямляется. Двѣ, сестра, и спешу!

Пѣть, Саша! — тихо возражаетъ скорбная женщина. Я сама!

Ну, хоть помоги!

Пѣть, не надо помогать! Тебя понимаютъ. Тебѣ тогда будетъ легче. Я не хочу, чтобы и тебѣ уныло.

А если тебѣ понимаютъ?

Женщина горько усмѣхается:

Что они мнѣ скажутъ? Я мать!

Она накидываетъ на голову платокъ и выходитъ, осторожно оглядываясь на улицу. Тамъ темно, словно весь Божій міръ покрытъ такимъ же чернымъ траурнымъ покрываломъ.

Осторожно, чуть-чуть переступая по подмороженной грязи, женщина идетъ по улицѣ. Она съ трудомъ идетъ по плечахъ тольско-

На нашемъ западномъ фронтѣ. Подготовка аэростата къ полету. Накачиваніе газгольдеровъ изъ берегу рѣки Двины.

На нашемъ западномъ фронтѣ. Подготовка аэростата къ полету. Готовыя оболочки съ газомъ по дорогѣ къ аэростату для его наполненія.

что сколоченный сѣдѣмъ деревяннымъ крестъ. Ей тяжело, больно: крестъ давитъ ей шею и спину и словно прижимаетъ всю ее къ землѣ, къ той землѣ, куда положили ея сына. Но эти страданія, причиняемые крестомъ, облегчаютъ то главное, всеобъемлющее страданіе, которое легло нынче на ея материнское сердце и въ одинъ день состарило ее на десять лѣтъ. И ей кажется, что, если она сама донесетъ крестъ до могилы убитаго сына, то будетъ легче и ей и сыну. Быть-можетъ, тогда ей будетъ легче нести и тотъ другой, тяжкій и великій, незримый крестъ, наложенный на нее страннымъ несчастіемъ.

Темно на улицѣ. Люди прячутся въ домахъ, чтобы не попадаться на глаза вражескому начальству, пограничному городу. Горожанамъ запрещено выходить по ночамъ изъ дома, но они и сами боятся выходить. Имъ запрещено покупать керосинъ и свѣчи, потому что керосинъ и свѣчи нужны самимъ немцамъ. Но горожане и безъ того не зажигаютъ огня, и у кого есть огонь, тѣ крѣпко закрываютъ ставни. И въ маленькихъ избушкахъ предѣвствъ и въ большихъ домахъ на главной улицѣ, изъ числа тѣхъ, которые еще не заняты подъ офицерскія квартиры, одинаково парятъ ненависть, отчаяніе, ужасъ и тѣма.

По городу бродитъ мло дни въ день смерть. Опьявившись отъ крови

На нашемъ западномъ фронтѣ. Аэростатъ поднимается. Въ корзинѣ — летчикъ воздухоплавательной роты съ пассажиромъ.

солдаты и офицеры всякого, кто покажется имъ опаснымъ или просто нечеловѣчнымъ, тащить въ тюрьму. А оттуда — въ полевой судъ. А полевой судъ всѣхъ приговариваетъ къ расстрѣлу или повѣшенію. Казненныхъ зарываютъ на старомъ кладбищѣ, потихоньку, тайно. И никто изъ горожанъ не смѣетъ разрыть эти тайныя могилы и ставить надъ ними кресты. По приказу коменданта это запрещено подъ страхомъ смертной казни.

Но кресты все-таки вырастаютъ. Началось все это бѣдѣе съ того времени, когда толпа городскихъ подростковъ пыталась разгромить лавки, въ которыхъ продавались всевозможныя товары, но только не для голодающихъ горожанъ, а для немцевъ. Горожане могли умереть съ голода. И потѣ съ той поры немцы стали хватать и казнить встречнаго и поперечнаго.

Женщина-мать идетъ съ крестомъ по темной улицѣ, чуть прислушиваясь, не прозвучатъ ли шаги немецкаго патруля. На улицѣ темно, какъ въ могилѣ, но она увѣренно идетъ въ темнотѣ. Она хорошо знаетъ дорогу къ старому кладбищу. Кто въ городѣ не знаетъ теперь дороги туда?

Она идет, а черными мыслями шныкает надъ ней и дотягивает впереди нея, как черные вороны. Она думает:

„Мой Владекъ не бунтовать и не громить лавки. Онъ сидитъ тогда дома. За что же его схватили и разстреляли?“

И оплываетъ слеза собой:

„За то, что онъ, потаивъ на улицѣ не покаялся офицеру. Развѣ это преступленіе? Развѣ за это можно было убить моего мальчика?“

Рыдчикъ подступаютъ къ торгу. Но плакать нельзя. Отъ плача обезсижишь и не сможешь довести крестъ и поставить его. Да и тишина встретится отъ материнскихъ рыданій, предательская тишина, готовая выдать ибичамъ какую тайну пообѣдненныхъ. Матери, несущей крестъ, уже чудится немецкія слова, слышатся тяжкіе шаги. Нельзя не только плакать, даже выдыхать нельзя. Въ почтой тишинѣ будетъ слышанъ каждый вздохъ. Надо пританься, застыть, замереть тѣломъ и душой, чтобы только исподтишка свести и непреклонное рѣшеніе поставить крестъ на погребъ сына.

У родной могилы. Картина И. Владимірова.

Вотъ и кладбище.

Старая, каменная, издѣнная временемъ стѣна смутно обѣщаетъ во мракѣ. Давно уже никого не хоронили здѣсь на старомъ погостѣ. Но теперь онъ полонъ новыми гостями. Въ странѣ не хватаетъ кладбищъ, какъ не хватаетъ жилищъ въ бойкомъ городѣ во время ярмарки.

Спотыкаясь о свѣжіе холмы могилъ, почти палая подъ своимъ крестомъ пошелъ, мать идетъ далеко въ глубь кладбища, туда, гдѣ похоронили послѣднихъ казенныхъ. Хорошіе люди есть и въ странѣ враговъ: изъ устъ въ уста доносилось до нея точное указаніе, гдѣ именно похоронили ея сына.

И тѣмъ покрываетъ ее своимъ покровомъ. И никто не видитъ и никто не знаетъ, сколько слезъ пролила она, и какъ убивалась она въ безысходной, неопредѣленной тоскѣ, прежде чѣмъ на тайной могилѣ выросъ новый свѣжій крестъ.

Стои! Держи!..

Темнота предательски разступилась. Загнаны фонари и въ нихъ блескъ мелькнули винтовки и сабли патруля.

Ты что тутъ дѣлаешь, старуха?

Нѣсколько человекъ окружаютъ женщину. Ея грубо схватили. Толстый солдатъ, унтер-офицеръ, начальникъ патруля, ударилъ ее по шеѣ.

Развѣ ты не знаешь, что это запрещено? Старая вѣдьма! Связать ей руки!

И вотъ мать казеннаго Владека связана, платокъ сорванъ

съ ея головы. И въ почтой темнотѣ, которую съ трудомъ одолеваетъ фонарь патруля, ее ведутъ въ тюрьму.

На другой день она уже стоитъ передъ судомъ.

Немецкіе офицеры сидятъ за длиннымъ столомъ въ залѣ полицейскаго управленія. Это военно-полевой судъ. Они держатся чопорно, стараются сидѣть неподвижно. Наканунѣ у нихъ была пирушка въ загородномъ графскомъ замкѣ. Они еще не успѣли опохмелиться и лѣзъ, какъ цѣнные псы.

Ты обвиняешься въ нарушеніи приказа коменданта! — говоритъ хриплымъ голосомъ старшій офицеръ. — Признаешь себя виновной?

Старуха молчитъ. Что ей сказать въ отвѣтъ? Все равно эти обезьянки, не признающіе святости креста и важности материнскаго долга и материнской скорби, не поймутъ ея словъ. Имъ непонятенъ языкъ милосердія, любви и материнства.

Ты не хочешь отвѣчать? Ну, въ такомъ случаѣ мы обходимо и безъ твоихъ объясненій.

Потомъ въ совѣщательной комнатѣ судьи говорятъ:

9-е февраля. Торжественное молебствіе передъ открытіемъ засѣданій Государственной Думы въ присутствіи Его Величества Государя Императора. По фот. К. Булга.

Голосъ народа.

(Въ Государственной Думѣ).

Прибытіе Государя Императора на открытіе Государственной Думы высоко подняло патристическій энтузіазмъ народныхъ представителей и окрылило ихъ на мужественное служеніе родинѣ. Въ лицѣ уволеннаго съ поста предсѣдателя Совѣта Министровъ И. И. Горемыкина пало средостѣіе между Царемъ и народомъ. Новый предсѣдатель Совѣта Министровъ В. В. Штюрмеръ сумѣлъ сразу найти общую почву съ Государственной Думой. Въ тавтично составленной рѣчи онъ начерталъ программу обновленнаго кабинета. Задачу вышней политики онъ обрисовалъ одной фразой: „Россія не положить оружія, пока не одержитъ рѣшительной побѣды“. „На ставкѣ Русскаго Царя развѣшается стягъ, на которомъ горитъ и переливается Монаршее предначертаніе: „Будущее Россіи въ ея побѣдѣ надъ злымъ и дерзкимъ врагомъ“. Это будущее близится. Во имя его не будемъ закрывать глаза на наши ошибки и несовершенства, но сольемъ наши усилія и будемъ помнить только о томъ, что будущее, — а мы вѣримъ, что оно — свѣтлое будущее, — мы должны встрѣтить во всеоружіи“. Призывомъ не закрывать глаза на ошибки глава правительства призналъ за Государственной Думой священное право критики правительственныхъ дѣйствій. Его программа дѣйствій охватываетъ наиболѣе насущныя нужды страны. Декларация обѣщаетъ поддержаніе трезвости, реформу прихода, расширение мѣстнаго самоуправленія, учрежденіе волостного земства съ оставленіемъ за правительствомъ обслуживанія только общегосударственныхъ вопросовъ, организацию снабженія населенія продуктами первой необходимости, борьбу съ дороговизной, борьбу съ ижедичимъ засильемъ.

Военный министръ генералъ-отъ-инфантерій А. А. Потемкинъ обрисовалъ тѣ перемѣны въ снабженіи арміи и въ положеніи ея на фронтахъ, которыя произошли со дня его назначенія. Морской министръ адмиралъ И. К. Григорьевъ констатировалъ,

господство русскаго флота на Черномъ морѣ и смѣлую самоотверженную защиту балтійскихъ береговъ отъ значительно сильнѣшаго непріятельскаго флота.

Первымъ думскимъ ораторомъ постѣ выступанія министерскихъ рѣчей выступилъ представитель прогрессивнаго блока октябристъ С. И. Шидловскій. Въ моментъ созыва Гос. Думы онъ напомнилъ о преждевременномъ перерывѣ ея занятій. Эта мѣра, по его мнѣнію, имѣла весьма пагубныя послѣдствія. „Правительство, одно не признававшее необходимости національнаго сплоченія, отвергло единую мысль всей страны и предпочло идти своєю собственною дорогой. Всеобщее желаніе, чтобы страна могла довѣрить своему правительству и чувствовать себя съ нимъ единой, было злостно истолковано, какъ лозунгъ борьбы за власть“. Затѣмъ онъ прочелъ декларацію прогрессивнаго блока.

Яркую и сильную рѣчь произнесъ правый націоналистъ Подольцевъ. „Наши святые войны совершили уже и совершать чудеса, — сказалъ онъ. — Мы терпѣли временныя неудачи, но побѣждены были не войска, а дальній тылъ. Тылъ не успѣвалъ за арміей, тылъ не успѣвалъ захваченнаго пространства, тылъ лишалъ армію оружія и снарядовъ. Сдерживайте же рвущуюся впередъ армію и подгоняйте тылъ. Никто въ Россіи не боится войны, а великій страхъ охватываетъ всѣхъ передъ возможностью преждевременнаго мира“. Блещущими правдой и огненными словами обличалъ онъ нерадіе, преступную близорукость и тяжкіе грѣхи дѣятелей тыла: „Правительство своевременно не проводило стратегическихъ линій, а теперь за ихъ постройку приходится переисплатывать вдесятеро. Путѣмъ погрязли въ злоупотребленіяхъ. Тамъ — что ни чинъ, то вольножа, и за синой его стоятъ министры, директоръ департамента, генералъ-адъютантъ, адмиралъ и т. п. Троньте его, и невольничьи нечистоты испачкаются на васъ

со всех сторон. «Взмете взятки?» — «Да, берем. В мирное время брали по рублю с вагона дров, а теперь по рублю с саженей». «Не хотите работать?» — «Не ждаем». — «Да взы теперь война, все мобилируются». — «А мы даем себя строить. Нам некогда». И будешь вы гением распорядительности, вы ра обещаете об эту исполняемую преступную твердыню. Не взырете вообще желанным дорогам, не взырете, когда говорят вам, что взы вагонов; осмотрите туники на станциях, они загромождены вагонами; не взырете, когда говорят: не хватают паровозов; поищите хорошенько и найдете цылые парки замесенных сибгомъ и замороженных паровозов. Ничему не взырете, ибо тамъ все ложь и преступление».

«Вы грозите намъ военнымъ судомъ. Полноте — это сказки, страшны для дѣтей младшаго возраста. На кого накинете вы петлю? На сибинника похвдъ, на конторщика».

«Въ бытность мою на фронтѣ и слышать въ вагонѣ рассказы офицера о печальномъ случаѣ въ ихъ полку. Солдаты съ цылымъ избавителемъ отъ службы, отрубивъ себѣ три пальца и сказавъ: отстрѣлился. Пальцы наши, солдата ушчили. На войнѣ судъ безпоощаден, привязали къ столбу и разстрѣляли».

«А скажете, не слышали вы про измѣнника, который предать первоклассную крѣпость, лишилъ отечество цылыхъ дивизій, отдалъ врагу несметную артиллерию и цылые склады снарядовъ? Генералъ Григорьевъ. Для него страшнѣе оказался военный судъ. Конечная судьба — безпечальная жизнь, какъ для Степана и Нобогатова. (Аплодисменты)».

«А тотъ злодѣй, который обмануть живыми увѣреніями всѣхъ каждаго готовность насъ къ страшной войнѣ, который тѣмъ сорвалъ съ чуда армію ея лавровые вѣнки и растопталъ ихъ въ грязи лизометства и предательства, который грудью сталъ между нарождающимся мечомъ закона и измѣнникомъ Мясоедовымъ. Куда же бросаете вы мертвую петлю? Туда выны. Нѣтъ, поднимайте ее выше, выше, доведите ее до уровня вашихъ равныхъ. Вѣдь тотъ министръ головой своей ругается за Мясоедова; Мясоедовъ похвщенъ, гдѣ же голова поручика? На плечахъ, украшенныхъ вензелями. (Бурные аплодисменты всей Думы. Голосъ: «Браво!»)»

Такъ запомните, что скажемъ мы, націоналисты. мы никогда не поспали на прерогативы власти. Тѣмъ болѣе мы не хотимъ похитить власть во мракѣ страшной бури. Мы жаждемъ сильной власти. Но власть сильна не мѣлкимъ искательствомъ, а неуклоннымъ исполненіемъ закона. Нѣтъ закона — нѣтъ и власти. Вы дѣлаете наверху шпатель въ ампреяхъ, вы радуетесь, что народъ пошелъ на доверіе. Да, это такъ. Но мы знаемъ, мы видимъ, что народъ безропотно несетъ все тяготы войны и не падаетъ ни жизни ни имущества; но, испытывая страданія, онъ строгъ и къ намъ, онъ не проститъ намъ бездѣйствія власти и укривательства измѣны.

«Вы не создаете, что преступной безнаказанностью своихъ агентовъ вы переводите на себя весь справедливый гнѣвъ народа. А когда вы потеряете народное доверіе, поблечитъ и ваша власть». (Шумные аплодисменты)».

Тѣмъ же националистъ Шульгинъ считаетъ самымъ опаснымъ отсутствіемъ объединяющей мысли, которая охватила бы всѣ нити, все управленіе грандіознымъ механизмомъ войны и ее тыловой подготовки, но все же взыреть, что придетъ время, когда наплывъ Русскій Бѣлый Царь восторжествуетъ надъ чернымъ императоромъ и Немезида совершитъ свое дѣло. И мы скажемъ нашему Государю: «Государь, вы не искали себѣ военной славы противіемъ моря крови Вашихъ подданныхъ. Вамъ — первый порывъ. Вы подняли самое святое, чистое дѣло мира, но эту благородную мечту растоптали потомки крестоносныхъ разбойниковъ. Но мечта чистая и благородная осталась мечтой. И если Ваше царское сердце обвиняется слезами при мысли о томъ, морѣ крови, которое пролило въ Ваше царствованіе, царствованіе Царя Миротлюбца, тому есть великое утѣшеніе: ни одна капля этой русской крови на Вашей порфирѣ не будетъ». (Шумные аплодисменты)».

И. Н. Миллюковъ считаетъ ошибочнымъ не только поздній составъ Гос. Думы, но также и составъ правительства, который кажется ему реакционнымъ.

Прогрессистъ Ефремовъ требуетъ ответственного министерства. Будучи ревнивыми и взырными сторонниками абсолютной безответственности Верховной власти, мы, прогрессисты, поэтому-то и добиваемся установленія ответственности министерства передъ Думой».

Большой интересъ представляютъ его разъясненія странной дѣятельности бывшаго военнаго министра:

«Сухомлиновъ сознательно лгалъ, когда говорилъ о достаточности боевыхъ запасовъ: онъ лгалъ, когда говорилъ о разбѣрѣ германской арміи — 4.500.000. Вы знаете, что передъ самой войной уничтожено много старыхъ берданокъ въ то время, когда военный министр не смѣлъ не знать, что у насъ нѣтъ избытка ружей. Вы знаете, что Сухомлиновъ отказался отъ присылки снарядовъ союзникамъ, когда наши снаряды были на исходѣ и надвигалось поэтому отступленіе изъ Галиціи и Польши».

По мнѣнію лидера группы независимыхъ Караулова ближайшая задача момента — прекратить злоупотребленія, которыя цинковой волной захлестнули всю Россію, и Дума должна сдѣлать

указанія правительству и принять мѣры законодательнаго характера».

«Въ первую голову надлежитъ поставить мѣры къ ликвидаціи нѣмецкаго засилья. Необходимо въ ближайшее время пересмотрѣть дѣйствующій по 87 ст. законъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, въ которомъ Дума усмотрѣла много дефектовъ, и который въ значительной степени не соответствуетъ цѣли, какая передъ нимъ поставлена. Необходимо выдвинуть вопросъ объ обращеніи земельныхъ запасовъ, обрабатываемыхъ при ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, на обезпеченіе увѣчныхъ воиновъ и семействъ воиновъ, павшихъ въ бою. Необходимо пересмотрѣть законъ 14-го іюня 1910 года (о крестьянскомъ землеустройствѣ) до возвращенія воиновъ на родину и внести въ него, быть-можетъ, существенныя исправленія. Необходимо рассмотреть вопросъ о законодательной урегулировкѣ земельной аренды и положеніе о наймѣ на сельскія работы. Все это нужно сдѣлать до возвращенія нашихъ воиновъ съ фронта».

«Слѣдующій серьезный вопросъ — о борьбѣ съ дороговизной. Разумѣется, борьба съ дороговизной не входитъ въ область вопросовъ, которые надлежитъ вѣдать непосредственно Гос. Думѣ. На борьбу съ дороговизной имѣетъ рѣшительное вліяніе правительство, а мы должны имѣть рѣшительное вліяніе на само правительство. Этимъ путемъ только и можетъ Гос. Дума бороться съ дороговизной. Другими мѣрами она не можетъ ничего сдѣлать, такъ какъ она окажется безсильнымъ при условіяхъ, что поппіи оудетъ покрывать спекулянты, что банки будутъ латуше вывѣтъ спекулятивную дѣятельность, а сильные міра сего будутъ въ числѣ спекулянтовъ записывать первое мѣсто».

Депутатъ Марковъ 2-й отъ имени крайнихъ правыхъ заявилъ: «Кромѣ врага вѣншнаго, злѣршаго германца, есть врагъ внутренний, болѣе опасный: этотъ врагъ въ трехъ элементахъ, — дороговизна жизни, тѣ германцы, которые, подъ видомъ русскаго подданства, проникли въ колоніи и захватили много очаги русской жизни, и, наконецъ, посягнѣй и самый опасный, — это сполное взяточничество, лизометство, кражи, которыя оуаия какъ массу чиновниковъ, оудтъ правительства, такъ и чиновниковъ, оудтъ общественныхъ организаций. (Голосъ съмы: «Чортъ знаетъ, что такое»). И тамъ и здѣсь елишкомъ воруютъ. Вотъ съ этимъ боритесь».

«Я обращаюсь къ правительству съ елинымъ требованіемъ, чтобы оно наконецъ вышло на передъ своего представительства и сказало: намѣрено ли оно перестать защищать воровъ, казнокрадовъ-чиновниковъ, которые прикрываются административной гаранціей. Мы требуемъ уничтоженія административной гаранціи для тѣхъ чиновниковъ...» (Риколетъ въсь залъ).

В. А. Маклаковъ, талантливѣйшій ораторъ своей партіи, произнесъ одну изъ наиболѣе яркихъ рѣчей. Обрисовавъ дѣятельность власти до 9-го февраля, онъ сказалъ:

«Что же намъ дѣлать: принизить Россію до силы ея разсѣянной власти, или возвысить власть до задачъ великой Россіи?»

Предсѣдатель Совѣта Министровъ пришелъ, какъ человѣкъ, старый времени, изъ рядовъ людей стараго времени, какъ изъ старенинскъ... Пусть это такъ. Но, главное, что пришелъ онъ дѣлать сюда? Защищать ли Россію противъ Германіи, жертвуя всѣмъ для победы, или защищать старый режимъ во время войны?»

«Мы будемъ дѣлать то, что дѣлали раньше. Мы не разойдемся съ арміей, господа. Мы знаемъ, что, кромѣ той Россіи, которая унываетъ и которая веселится, есть Россія, которая терпитъ, которая страдаетъ, которая работаетъ».

В. М. Пуришкевичъ призналъ, что въ рѣчахъ представителей тѣлой оппозиціи много той святой ирады, которая въ конечномъ результатѣ должна обновить нашъ государственный строй».

«Кто позволить бы себѣ говорить, что все должно остаться такъ же, какъ оно было до войны, тотъ найдетъ бы себѣ оужденіе и у современниковъ и у потомковъ. Развѣ нормально, что въ то время, какъ наши братья исходятъ кровью, въ это время здѣсь внутри нѣльзя добиться и парализовать рога нѣмецкаго засилья и подпольнаго вліянія? (Шумные аплодисменты)».

«Развѣ вы (обращаясь къ министру внутреннихъ дѣлъ), мой многоуважаемый другъ и сотоварищъ по фракціи, А. Н. Хвостовъ, можете быть увѣрены въ томъ, что въ тотъ моментъ, когда вы предпримете самыя рѣзкія и энергичныя мѣры, чтобы парализовать вліянія при ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, васъ не съдѣдятъ подпольныя силы подъ тѣмъ или другимъ благодѣтельнымъ предлогомъ и вы не падете подъ ударомъ?» (Шумные аплодисменты)».

Маклаковъ упомянулъ въ своей рѣчи о «бѣшенномъ коммерціи» въ тылу, о томъ, что воинъ не можетъ получить мѣста въ побѣдѣ, такъ какъ все занято купцами-коммерсантами, сибинцами за лаработками, и закончилъ характеристикой русскаго крестьянства, которое готово на всѣ жертвы для достижения победы.

Таковъ общій тонъ первыхъ думскихъ засѣданій. Онъ поражаетъ единствомъ настроенія, объединяющаго и правыхъ и лѣвыхъ ораторовъ. Стѣна, раздѣлявшая крайнія фракціи, рухнула. Всѣ въ одинъ голосъ требуютъ оздоровленія тыла и оздоровленія власти во имя победы надъ врагомъ, во имя спасенія Россіи. Дума и страна слились въ патріотическомъ требованіи. Въ этомъ случаѣ голосъ народныхъ представителей дѣйствительно становится голосомъ самого народа.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Сраженіе у Вердена.

Начиная уже приходится неоднократно повторять, что на западномъ фронтѣ положеніе сторонъ настолько опредѣлилось, что никакіе измѣненія фронта въ ту или другую сторону ожидать нельзя. Затѣмъ мы приводили рядъ данныхъ, изъ которыхъ видно, что нѣмцы въ настоящихъ условіяхъ стратегической обстановки никогда не могутъ брать достаточныя силы для того, чтобы произвести успѣшное наступленіе противъ французовъ.

Наконецъ, памятнымъ всѣмъ событіемъ на французскомъ фронтѣ, три крупныя сраженія, изъ коихъ главнѣйшее «Марна», а затѣмъ сраженія на Изерѣ и въ Шампани, съ своей стороны, служили достаточной иллюстраціей того, что западный фронтъ представляетъ собою вѣчно безучастно неподвижное «въ стратегическомъ смыслѣ», и что тамъ лишь возможны, въ исключительныхъ случаяхъ, незначительныя тактическія измѣненія фронта на нѣсколько верстъ въ ту или другую сторону.

Несомнѣнно, что и нѣмецкое наступленіе по мановенію всегда сознавало всю невозможность какихъ-либо успѣховъ для нѣмцевъ на западномъ фронтѣ, почему съ ноября 1914 г. по февраль 1916 г., т. е. въ теченіе почти пяти лѣтъ, мы были свидѣтелями полной неподвижности нѣмцевъ на западномъ театрѣ. Самый тотъ фактъ, что нѣмцы съ началомъ весны чувствовали года предприняли наступленіе на нашемъ фронтѣ, также свидѣтельствоваъ о томъ, что они считаютъ свою задачу на западномъ фронтѣ неосуществимой, ибо только это и могло заставить ихъ выбрать столь недостижимую стратегическую цѣль, какъ неспіе победы въ Россіи.

Однако стратегическое положеніе нѣмцевъ въ нѣмѣнней роинѣ оказалось въ концѣ концовъ столь безполезнымъ въ томъ смыслѣ, что они нигдѣ, ни на одномъ фронтѣ не могутъ добиться рѣшительной победы, нигдѣ, ни на одномъ фронтѣ, ни одну изъ сторонъ не могутъ принудить къ миру, — что отъ нѣмцевъ можно было ожидать никакихъ-либо операций, даже самыхъ трудно осуществимыхъ. Все равно: на русскомъ фронтѣ нѣмцы не могутъ привести войну къ концу, и одинаково нѣтъ надежды побѣдить на западѣ, почему, естественно, противнику зачастую трудно рѣшиться, какое изъ этихъ двухъ золь для него меншее. Конечно, наступать на западномъ фронтѣ невозможно, но и на русскомъ фронтѣ операции не приводить къ конечной цѣли, и въ такихъ условіяхъ въ концѣ концовъ лачи на обоихъ фронтахъ одинаково трудно достижимы.

Однако вести войну надо, и потому какіе-либо изъ фронтовъ атаковать приходится. Итомъ они веи безнадежное наступленіе въ нашу сторону, которое не могло ихъ привести къ миру, а въ февралѣ 1916 года они попробовали третій разъ такое же безнадежное наступленіе въ сторону французовъ, хотя и опыты сраженій на Марнѣ и на Изерѣ, и теменарныя разсужденія подбавляли имъ, что такое наступленіе не приведетъ къ конечной цѣли.

При такихъ условіяхъ создавалась грандіозная операція у Вердена, съ нѣмцами атакуютъ столь безнадежный для нихъ, но ихъ собственному опыту, французскій фронтъ въ отчаянномъ стремленіи снормить его хотя бы въ одной точкѣ путемъ удара чувствительной массой. Съ другой стороны, необходимо имѣть въ виду, что нѣмцы весьма серьезно считались съ тѣмъ, что во время предстоящихъ весеннихъ и лѣтнихъ операций на нашемъ фронтѣ ихъ можетъ ожидать ударъ «въ тылъ», т. е. наступленіе французовъ, въ виду той согласованности дѣйствій союзниковъ, которая, какъ извѣстно, считается теперь важнѣйшей задачей союзной стратегіи. Въ ожиданіи такого наступленія нѣмцы должны были, согласно своей системѣ «предупреждать», начать преслѣдующее наступленіе противъ французовъ въ расчетѣ нанести имъ большія потери и вынудить ихъ въ оудущемъ отказаться отъ наступленія на западномъ фронтѣ, — въ тотъ періодъ, когда нѣмцы будутъ заняты операціями на востокѣ.

Такимъ образомъ можно предположить, что нѣмецкое наступленіе на западномъ фронтѣ, не имѣющее вообще шансовъ на успѣхъ, было предпринято отчасти потому, что вообще ни на одномъ фронтѣ нѣмцы все равно не могутъ достигнуть рѣшительнаго успѣха, а гдѣ-нибудь наступать надо, и, во-вторыхъ, отчасти потому, чтобы предупредить своимъ ударомъ возможное наступленіе англо-французовъ лѣтомъ — въ тотъ періодъ, когда нѣмцы увязнутъ въ операціяхъ на нашемъ фронтѣ.

Такова въ общихъ чертахъ стратегическая обстановка, при которой случилось Верденское наступленіе нѣмцевъ. Обращаясь теперь къ исполненію этой операціи, отмѣнимъ, что изъ 7 германскихъ армій и нѣсколькихъ отрядовъ, находящихся на западномъ фронтѣ, непосредственное участіе въ операціи приняла армія кронпринца и находящійся рядомъ съ нею значительный отрядъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ генерала Штраппа. Войска генерала Штраппа были расположены въѣво и лѣвиѣ арміи кронпринца, а вправо отъ арміи кронпринца находился въ Шампани армія генерала Эйнема, которая также могла втянуться въ операцію подъ Верденомъ, не только при помощи присылки подкрѣпленій кронпринцу, но и при помощи наступленія на своемъ фронтѣ, которое Эйнемъ могъ бы вести для содѣйствія кронпринцу.

Однако въ первое время приняли участіе въ операціи преимущественно войска кронпринца. Необходимо также отмѣнить, что къ району арміи кронпринца нѣмцами были доставлены значительныя стратегическіе резервы, которые, по газетнымъ свѣдѣніямъ, доходили до 225 батальоновъ. Эти стратегическіе резервы частью были взяты изнутри Германіи, частью доставлены съ другихъ фронтовъ.

Затѣмъ къ району Вердена оыло подвезено громадное количество тяжелой артиллеріи, въ томъ числѣ и австрійскія тяжелыя мортиры, перевозимыя на моторахъ. Мы не упоминаемъ, конечно, о другихъ деталяхъ подготовки нѣмцевъ къ Верденскому наступленію, которая была весьма тщательно разработана въ теченіе двухъ съ лишнимъ мѣсяцевъ этой подготовки.

7-го февраля 1916 г. началось верденское сраженіе съ грандіознѣйшаго артиллерійскаго боя. Затѣмъ нѣмцы повели атаку, въ результатъ которой имъ, при помощи колоссальныхъ потерь, удалось занять два небольшихъ выступа французскихъ позицій у деревень Бомонъ и Брабанъ-сюръ-Мозъ. Нѣмцы вели атаки густыми колоннами подъ покровительствомъ сильнѣйшаго артил-

дерейского огня, т.-е. пригласия знакомые приемы, которыми в свое время пользовался Макиензель на Дунайцах.

Самый Верденъ представляет собою крѣпость первого класса, прикрывающую пути черезъ Шалонъ къ Парижу. Атака нѣмцевъ у Вердена какъ бы означала памѣтленіе ихъ прорвать французскій фронтъ со стороны юга, т.-е. выйти на пути южнѣе Парижа. Напомнимъ читателямъ, что въ 70-мъ году Мольте, двигаясь во Францію, все время обходилъ Парижъ именно съ юга, стремясь отрезать французскую столицу отъ юга Франціи и этимъ лишить французскія арміи источники подкрѣпленій изъ такого богатѣйшаго района, какимъ является югъ Франціи.

Эту идею Мольте нѣмцы пытались осуществить въ началѣ войны и также старались сначала обойти дѣльнымъ южнымъ крыломъ, но здѣсь ихъ съ мѣста постигла неудача, такъ какъ французы естественно наблюдали эти пути, выходящіе въ обходъ Парижа съ юга, памятные имъ по 70-му году. Тогда нѣмцы стали обходить противоложностямъ сѣвернымъ правымъ крыломъ, и послѣдовало ихъ знаменитое обходное движеніе черезъ городъ Лилль. Этимъ движеніемъ нѣмцы какъ бы, наоборотъ, загнали французовъ на югъ Франціи, къ источникамъ французскихъ подкрѣпленій, что, конечно, не приводило нѣмцевъ къ побѣдѣ, а лишь усиливало французское сопротивление.

Начавъ операцію противъ Вердена, т.-е. какъ бы стремясь прорваться въ направлении путей, выходящихъ въ обходъ Парижа съ юга, нѣмцы этимъ стремились снова осуществить идею Мольте, отрезать Парижъ отъ юга Франціи, но, конечно, теперь эта попытка имѣла меньше всего шансовъ на успѣхъ. Не говоря уже о той силѣ французскаго фронта, которая дѣлала вообще невозможнымъ успѣхъ нѣмцевъ, о чемъ мы говорили выше, пунктъ, выдвинутый ими для атаки, самый Верденъ, представлялъ собою одинъ изъ самыхъ сильныхъ пунктовъ французскаго расположенія.

Эта первоклассная крѣпость, расположенная по обоимъ берегамъ р. Мааса, состоитъ изъ двухъ линій фортовъ и старой цитадели внутри, опоясывающей городъ. По силѣ фортовъ, подготовивъ фортовую линію и по внутреннему устройству, а также благодаря обилию безопасныхъ подземныхъ помѣщеній для гарнизона, Верденъ вообще является одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Европы.

Французское расположеніе у Вердена выдвигалось впередъ на 15 впередъ за Верденъ. При первомъ главномъ натискѣ нѣмцы

продвинулись лишь на три километра, каковое продвиженіе слѣдуетъ признать крайне незначительнымъ. Трофеи нѣмцевъ были ничтожны, и въ то время какъ французы при своемъ короткомъ сентябрьскомъ ударѣ отъ Шампани взяли 26.000 плѣнныхъ въ одинъ день и 155 орудій, нѣмцы, по ихъ заявленіямъ, взяли всего лишь 3.000 плѣнныхъ. Необходимо отмѣтить, что вообще при длинныхъ фронтахъ, кто бы ни наступалъ, въ первый моментъ имѣетъ нѣкоторый успѣхъ наступающій, такъ какъ онъ сосредоточиваетъ массу и, естественно, сразу занимаетъ первые окопы.

Однако этимъ ничтожнымъ успѣхомъ ограничиться все успѣхъ нѣмцевъ. Въ теченіе первыхъ 5—6 дней нѣмцы не достигли болѣе никакихъ успѣховъ, и лишь бытъ одинъ моментъ, когда они овладѣли находящимся совершенно въ сторонѣ отъ крѣпости и не имѣющимъ никакой связи съ поимомъ фортовъ укрѣпленіемъ Дуамонъ, но были потомъ оттуда выбиты.

На шестой день стать обозначается успѣхъ французовъ, которые не только вернули фортъ Дуамонъ, но вернули и деревню того же имени.

Въ окончательномъ итогѣ послѣ девяти дней изступленнаго боя, гдѣ обѣими сторонами были выброшены милліоны снарядовъ и произведены были бѣшенныя атаки и контръ-атаки, французы твердо остановили нѣмцевъ и не позволили имъ продвинуться далѣе къ главной фортовой линіи Вердена.

За исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ деревень, на общемъ противоборствѣ въ глубину въ двѣ версты, нѣмцы болѣе ничѣмъ не овладѣли, понеся неисчислимыя потери въ людяхъ.

Это было не только неудачей нѣмцевъ у Вердена, это было ихъ громадной стратегической неудачей, т.-е. такой неудачей, которая должна была имѣть вліяніе на весь ходъ войны, должна была показать уже безусловно нѣмцамъ, что ихъ надежды на успѣхъ во Франціи были своевременно погребены на Марнѣ, и что во живить имъ ихъ вновь никакими самыми изступленными, самыми отчаянными операціями.

На десятый день артиллерійскій бой продолжался все-таки съ прежней силой, и это означало, что нѣмцы поведутъ еще одну большую атаку. Однако можно было не сомнѣваться, что ихъ скопленный въ теченіе года затишья порывъ уже растроченъ, и что никакія новыя атаки не исправятъ дѣла, разъ первая атака, — та, въ которую было вложено болѣе всего энергии и подготовкой, — не удалась.

И годъ второй къ концу склоняется,
Но такъ же рѣютъ знамена,
И такъ же буйно издѣвается
Надъ нашей мудростью война.

Вслѣдъ за ея крылатымъ геніемъ,
Всегда играющимъ въ ничью,
Съ побѣдной музыкой и пѣніемъ

И сосчитаютъ ли потопленныхъ
Во время трудныхъ переправъ,
Забитыхъ на поляхъ потоптанныхъ
И громкихъ въ лѣтописи славѣ?

Иль зори будущія ясныя
Увидятъ міръ такимъ, какъ встарь:—
Огромныя гвоздики красныя,
И на гвоздикахъ спитъ дикарь;
Чудовищъ слышны ревы мирныя,
Вдругъ хлещутъ бѣшено дожди,
И все затягиваютъ жирныя
Свѣтло-зеленые хвощи?

Не все ль равно? Пусть время катится,
Мы поняли тебя, земля!
Ты только хмурая приврашница
У входа въ Божія Поля.

Н. Гумилевъ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Контора журнала „Нива“ проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой платы за 1916 годъ, озаботиться своевременными взносами подписныхъ денегъ, согласно условіямъ разсрочки. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. и печатный адресъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Медальоны. Разсказы Марка Кривичаго. (Продолженіе).—Проводы. Стихотвореніе Михаила Андреева.—На Западномъ фронтѣ. Разсказы В. Рошнина.—Бѣлый замокъ. Разсказъ Ренэ Базена.—Какъ растутъ кресты. Разсказъ Б. Никонова.—Голосъ народа. (Въ Госдумѣ).—Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Стихотвореніе Н. Гумилева.—Заявленіе.—Отклики войны. РИСУНКИ: Картина И. А. Владимірова.—На казакскомъ фронтѣ (23 рис.).—Пожаръ въ деревнѣ Ц.—На нашемъ западномъ фронтѣ (4 рис.).—У родной могилы. Картина И. Владимірова.—9 е фекрала. Торжественное молебствіе передъ открытіемъ засѣданій Гос. Думы, въ присутствіи Государя Императора.—Карта крѣпости Верденъ и его форты

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 4.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайловъ просп., № 29.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬНИСЪ ВЪЯ
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПРОТИВЪ ГОЛОВНОЙ БОЛИ, НЕВРАЛГІИ,

ишлеса, простудныхъ и ревматическихъ болей, принимайте Кефалдолъ Д-ра Сторъ. Кефалдолъ абсолютно безвреденъ, прекращаетъ нервныя боли и улучшаетъ самочувствіе. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ДОЛГО-ОЖИДАЕМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ЧАЙ ЯНХАО № 14.

Наконецъ полученъ сѣвѣй, новаго осенняго урожая, чрезвычайно ароматный, сильнѣйшаго настоя, о чемъ всѣ любители и поклонники чаю Янхао настояшніи удостовѣлятся. Цѣна ЧАЙ ЯНХАО 2 р. 40 к. за фунтъ съ пересылкой по почтѣ за нашъ счетъ во всю Европ. Россію посылками въ 3 ф., 5 ф. и 9 фун. (торговцамъ скидка.)

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ:
Склады чаевъ И. Е. ДУБИНИНА.
МОСКВА, Покровка, д. № 51.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ, БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„АВТОМОБИЛЬ“

(пятнадцатый годъ изданія).
8 руб. въ годъ съ доставкой, 4 руб. въ 1/2 года съ доставкой.
Пробный №—35 коп. Четыре пробныхъ №№—1 руб.
Премія: большая иллюстрированная книга „По Африкѣ на автомобиле“ съ доставкой—2 руб., вмѣстѣ 3 руб. безъ доставки.
Редакція: Петроградъ, Литейный, 36.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
НАЛЛИГРАФИЯ 0 отдѣл. Рондо-Готикъ, Баттардъ и пр. 208 рис. и черт. въ тексты, транспорантъ и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для ис-правл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрац. на копировск. скорост. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и пересл. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Ири Москва. Налож. плат. дор. на 25 к.

Всѣ правила легко усваиваются по-мощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шрифт. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.
СТЕНОГРАФИЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообразованія. 368 страницъ. 2 руб. 50 коп.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. упр., формъ прошень, писемъ, какія шфры должно принимать, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р. Ири Москва. Налож. плат. дор. на 25 к.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.

Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ „ВИКТОРИИ“, предлагаютъ лучшія цѣны. „ВИКТОРИЯ“ вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина „ВИКТОРИЯ“ стоитъ 175 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.

Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

При ГОНОРРЕѢ

въ острой и хронической формѣ „ТИЗЕРИНЪ“

послѣдствіемъ ея примѣняется Д-ра мед. Горюховскаго для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 гол. флак. и 4 короб. капсулъ 2 р. Двойного 3 р. 50 к. Адресъ: Д-ру Горюховскому, Москва, Давыдъ пер., 1/23, ил. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецептамъ врачей.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Телеграмма Государя Императора Государственной Думѣ.

Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзинко удостоился получить 10-го февраля слѣдующую Высочайшую телеграмму, оглашенную во время засѣданій Гос. Думы и покрытую возгласами „ура“. „Сердечно благодарю васъ и членовъ Гос. Думы за поздравленіе по поводу паденія Эрзерума. Вмѣстѣ съ вами вѣрю, что этотъ новый подвигъ кавказской арміи, при помощи Божіей, явится ступенью къ окончательному торжеству нашего оружія. Залогомъ этого служить готовность всѣхъ сыновъ нашей Великой Родины положить все свои силы на служеніе ей, въ чемъ мнѣ пріятно было убѣдиться вчера, при посѣщеніи Государственной Думы, о плодотворности работъ

которой мнѣ отрадно было помолиться вмѣстѣ со всѣми ея дѣятелями.

Телеграмма эта явилась отвѣтомъ на слѣдующую телеграмму, отправленную Государю Императору предсѣдателемъ Гос. Думы 9-го февраля:

„Сегодня въ незабвенный день, когда Вашему Императорскому Величеству благоудно было осчастливить Своимъ присутствіемъ Гос. Думу и вмѣстѣ съ нею вознести Всевышнему благодареніе за одержанную геройскими кавказскими войсками надъ нашими врагами побѣду, Гос. Дума, возобновивъ по указу Вашего Императорскаго Величества свои занятія, удостоила меня всеподданнѣйше повергнуть передъ Вами, Государь, горячія поздравленія по поводу паденія твердыни Малой Азіи—крѣпости Эрзерума. Гос. Дума твердо вѣритъ, что это безпримѣрное по своему геройству блестящее дѣло

KKBA

